

Илья Бушмин

Цепная реакция

Сборник

Илья Бушмин

Цепная реакция. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305281

ISBN 9785448390265

Аннотация

Сборник избранных произведений российского автора Ильи Бушмина, работающего в жанре полицейского детектива. В данное издание вошли сразу три остросюжетных романа: «Смерть в кармане», «Золото рейха» и «Схема убийства». Для ценителей криминального жанра.

Содержание

Смерть в кармане	5
1	5
2	17
3	32
4	36
5	49
6	56
7	68
8	79
9	88
10	98
Золото рейха	105
Пролог	105
Часть 1	117
Глава первая	117
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Цепная реакция Сборник

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2017

ISBN 978-5-4483-9026-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть в кармане

1

Этим вечером они начали рейд на родной кольцевой. В такие дни никогда не знаешь заранее, куда занесет тебя нелегкая. В этот раз нелегкая занесла их на «Юго-Западную». Гуцин наострился, как взявшая след гончая, когда на платформе у толпы поджидающих поезда пассажиров нарисовались двое подозрительных парней. Все, как его учили: у одного сумка в руке, второй с курткой на левом запястье.

– Кажется... – начал Гуцин, но договорить он не успел, потому что в наушнике рации прохрипел голос Богданова:

– Наш клиент.

Гуцин нашел глазами Богданова. Тот незаметно для набившихся на платформе обывателей кивнул на колонну. Около нее стоял ничем не примечательный тип. Неприметный с виду, лет 30, слегка горбоносый. Единственной приметой мог служить выдающийся кадык, дергавшийся над воротником его куртки и словно живущий собственной жизнью.

Подошел, грохоча, поезд. Когда толпа шорохом сотен сороконожек зашуршала подошвами к распахнувшимся дверям вагонов метро, Кадык отделился от колонны и напра-

вился к одному из них. Гущин поймал пару его взглядов, которыми тот окидывал пассажиров с сумками.

– Наш, – сам с собой согласился Богданов.

Они с двух сторон двинулись к Кадыку. Но в самый последний момент тот потерял интерес к поезду. Шагнул назад, обернулся, словно ища кого-то. Помял газету, проводил глазами скрывшийся в тоннеле поезд – и зашагал к противоположному краю платформы.

– Озирается, сука, – шепнул Богданов Гущину, поравнявшись с ним. – Почуял что-то. Чуйка, видать, хорошо развита. Не новичок.

Гущин был новичком, поэтому промолчал. Без подсказок наставника он никогда не обратил бы внимания на этого ничем не выдающегося типа.

Подошел поезд. Гущин и Богданов по сигналу последнего разделились и зашли с двух сторон, беря Кадыка в клещи. Тот явно колебался, гадая, попытать ему счастья в этом поезде, или все же не рисковать. Теперь Гущин видел сомнения на его лице. Кадык действительно что-то почувствовал, и это ему категорически не нравилось.

В последний момент он все же шагнул в поезд. Гущин успел шмыгнуть за ним, и закрывающийся двери скользнули по его куртке. Богданов зашел в соседние двери их же вагона, взялся рукой за поручень и еле заметно кивнул Гущину – «порядок, работаем».

Работать начал и Кадык. Выждал, пока «робот» унылым

казенным женским голосом объявил следующую станцию, вслед за чем поезд тронулся и, разгоняясь, вошел в тоннель. А затем начал движение. Кадык прошел к сидячим местам, около которых, держась за петли, замерли несколько пассажиров. Гушин видел, как Кадык пристроился около девушки. Девушка стояла боком и читала книжку карманного формата. Ее полуоткрытая сумка висела на плече. Очевидно, Кадык решил попытать счастья именно там.

Не теряясь, вор начал работать. Вот он кашлянул, заставив стоявшего к нему лицом мужика в очках отвернуться. Вот его ладонь медленно заскользила к сумке девушки, прячась между полкой куртки Кадыка и ее, девушки, спиной. Вот Богданов, который медленно продвигался вперед, застыл, готовый действовать – сразу же после того, как кошелек из сумки переключается к «щипачу»...

...Девушка поправила сумку. Гушин заметил, как она нахмурилась, почувствовав, что что-то не так. Посильнее прижав висевшую на плече сумку рукой к корпусу, девушка перевернула страницу книжки и вернулась к чтению.

За месяц работы в подземке Гушин поразился, как много места в жизни человека занимает интуиция. И, что характерно, человек даже не подозревает об этом. Вот и эта девушка никогда не узнает, что где-то на обочине ее внимания интуиция, как хорошая оперативная система компьютера, защитила ее от кражи.

А оперов – от улова.

– Коза, – буркнул в сердцах Богданов и, перехватив строгий взгляд сидевший рядом старушки, отвернулся.

Терять время после осечки Кадык не стал. Он отвернулся и шагнул к правой стороне вагона. Пристроился позади женщины средних лет, которая говорила по сотовому. Сумка, как и водится, приоткрыта. Кадык приблизился чуть плотнее, почти касаясь сумку бедром.

– Да? А она чего? – бормотала женщина. Обернулась, смерила Кадыка подозрительным взглядом. Подтянула сумку к себе и отвернулась. – Надо же. Вот гадина какая. А ты ей чего?

Снова осечка.

Заунывный голос промычал, объявляя станцию. Двери распахнулись. Несколько человек вошли в вагон, обступив Кадыка. Он протиснулся между ними и торопливо, словно вспомнив, что ему выходить прямо сейчас, покинул вагон.

Гущин и Богданов выбрались из поезда в последний момент. Толкнув младшего напарника локтем в бок, Богданов шепотом скомандовал:

– Марафетим.

Сам он первым стянул с себя толстовку и повязал ее на поясе, а на голову нахлобучил бейсболку. Гущин нацепил на нос солнцезащитные очки и накинул на плечи ветровку. Теперь можно поработать по Кадыку еще несколько станций.

Когда отслеживаешь карманника, маскировка – едва ли не половина успеха. Нужно менять не только внешность,

но и образ. Только что ты был задумчивым мужичком средних лет, устало изучающим газету – а теперь преобразаясь в молодящегося типа, слушающего музыку в наушниках и жующего жвачку. Именно образ отпечатывается в глазах и памяти других. Карманников, всегда проверяющихся на предмет полицейского хвоста, это касается в первую очередь.

Снова противоположный край платформы, за которой в тоннеле уже грохотал приближающийся поезд. Один из людей на платформе привлек внимание Кадыка. И было отчего – кошелек торчал у него прямо из заднего кармана просторных мятых джинсов. Кадык направился за будущей жертвой прямо в двери вагона.

– Простите, – натываясь на кого-то, буркнул Гушин и протиснулся в двери за Кадыком. Спины других вошедших загораживали объект слежки, и Гушин осторожно тянул шею то влево, то вправо, стараясь разглядеть вора.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Проспект Вернадского»...

Закрывающиеся двери громко щелкнули, когда кто-то с трудом протиснулся в них. Гушин машинально обернулся – и увидел Кадыка. Тот стоял в метре от Гушина, на платформе, и смотрел прямо на него. В то же мгновение поезд тронулся.

– Твою же мать, – не выдержав, чертыхнулся Гушин.

Богданов тоже оказался в плену уносящегося в тоннель

поезда метро. Последнее, что он разглядел между мелькавших на платформе колонн – силуэт Кадыка, который быстрым шагом двигался к выходу на поверхность.

– Срисовал он нас, – уверенно заявил Богданов. – Не просто почувствовал, а срисовал. Только где именно, не знаю. Не жались ведь к нему вроде. Где умудрился срисовать, ума не приложу.

Вечером они сидели в любимом баре и пили пиво, провозжая очередной пролетевший рабочий день. С ними был и Курилин, 40-летний опер из их же отделения, которого месяц назад перевели в общий отдел. Собственно, на его место и назначили новичка Гущина.

– Раз на раз не приходится, ты же знаешь, – пожал плечами Курилин, утешая приятеля. – Бывают и пустые дни, как же без них. А ты, Антоха, молодец, – повернулся он к Гущину. – Вон, Витек говорит, что все схватываешь на лету.

– Правильно, – промычал Богданов, вливая в себя залпом одну третью часть пива.

– А это дорогого стоит, парень. Тут ведь у нас как. Не тупая физическая сила в нашем ремесле нужна. Когда-то – вон, Витек не даст соврать – щипачи были элитой криминального мира. Тут нужны и ловкие пальцы, и зверская интуиция, и находчивость. А артистизм. Ага-ага! Хороший карманник – это чувак от бога. Хороший карманник – всегда отличный актер. Правильно я говорю, Витек?

– В натуре, – промычал Богданов и влил в себя залпом

вторую треть.

– Вот. А значит, что? Значит, и мы не должны им уступать. Когда наш отдел, антищипачей, только создали, у нас конкурс был – ого-го! Одного из восьмерых только брали, остальных отсеивали. А уж карманники в метро – это вообще отдельная тема. Правильно я говорю?

Богданов проглотил оставшуюся треть кружки.

– Эй, Антоха, сгоняй еще за пивом, а?

Гущин был только рад. Не потому, что любил быть на побегушках у «дедов». А потому, что за стойкой сейчас возилась, что-то ища на полке, официантка по имени Оля. Ее имя Гущин знал благодаря бейджику. Стройная, в обтягивающей черной футболке, подчеркивающей грудь девушки, Оля уже пару недель не давала Гущину покоя.

– Привет, – он постарался улыбнуться девушке как можно более очаровательно и беззаботно. – Можно нам еще по кружке?

Оля нахмурилась:

– Две или три?

– Вот тому старому хрычу лучше уже не наливать, но поди, убеди его в этом! – Оля на шутку не отреагировала. Гущин мысленно чертыхнулся. – Три. Ну и еще орешков каких-нибудь, хорошо?

– Каких-нибудь – это каких?

– На ваш вкус, Оля, – Гущин снова просиял. – Я вам доверяю.

Оля кивнула, улыбнувшись в ответ. Начало положено, обрадовался Гуцин.

Когда он вернулся за столик, уже прилично подвыпившие Богданов и Курилин ударились в пьяные рассуждения.

– Люди всегда боятся других людей, – язык Богданова чуть заплетался. – Это у нас в подкорке, с первобытных времен. А уж в местах большого скопления людей тем более. А метро – это втройне стресс. И потому, что душегубка, куда все забиваются, как кильки в банке. И потому, что такое это место, откуда так просто не выйдешь. Ну и плюс шум... Сто децибел, нехило, а? А в итоге мы имеем что? В итоге мы имеем инструмент разрушения психики людей.

– Хм, – отозвался Гуцин.

Богданов рассердился.

– Ты мне тут не хмыкай. Я под землей 15 лет оттарабанил вместе с, вон, Серегой. И всякое повидал. Ты вот знаешь, пацан, что почти две трети москвичей – две трети, твою мать! – в метро себя чувствуют не в своей тарелке? А процентов 20—25 человек вообще никогда сюда не заходят. Почему? Потому что психика разрушается. Не выдерживают люди. Страх иррациональный, мать его. Здесь переплетаются почти все человеческие фобии. Страх замкнутого пространства, страх заразиться, страх попасть под колеса, страх стать жертвой... Метро – это воплощение почти всех наших страхов, парень. Я на своем веку много смертей в метро повидал. Ты вот знал, парень, от чего умирают сами работники

метрополитена?

– От того, от чего и все, наверное, – пожал плечами Гущин.

– Базара нет, в основном так. Но есть у них и профессиональная болезнь. Знаешь, какая? Ишемическая, мать твою, болезнь сердца. Человек не относится к тем, кто боится метро. Он тут работает. И все нормально. Но каждый день, незаметно, исподтишка, метро разрушает его сердце – каждый раз, когда человечек спускается под землю. Тик-так, чувачок, тик-так. Тик-так...

Гущин выслушивал нечто подобное целый месяц. С тех пор, как перешагнул порог их ОВД на метрополитене.

Вообще, Гущин не собирался служить в метро. Так карта легла. В полиции Москвы из-за участвовавших карманных краж создали особые курсы, которые должны были пройти большинство работавших на «земле» оперов-территориалов. Гущин, тянувший ляжку в должности младшего оперуполномоченного, исключением не стал и был направлен на недельное повышение квалификации в школу полиции. Здесь перед ними предстал сухенький усатый мужичок, объявивший, что 30 лет своей жизни он боролся с карманниками – и теперь расскажет и покажет им, как это делать.

– В нашем деле есть свои сложности, – рассказывал преподаватель. – Преступление-то неочевидное. В 99% случаев потерпевший не подозревает, что уже стал потерпевшим. Чтобы все прошло, как по маслу, мы должны не просто за-

фиксировать факт преступления. Мы должны поймать карманника за руку, а потом еще и обработать терпилу, чтобы он проверил карманы и согласился написать заявление.

На курсах Гушин узнал, что с каждым годом карманных краж становится в Москве все больше. Город прирастает округами, разрастается, увеличивается количество приезжих. Сухая статистика: на одну зарегистрированную карманную кражу приходится до 70 незарегистрированных. Это значит, что ежегодно в столице жертвами карманников становятся более 700 тысяч человек. Каждый год в Москве расстаются с кошельками количество людей, сопоставимое с крупным российским городом.

– Посмотрите на людей в метро глазами карманника, и вы многое увидите, – вещал педагог в погонах. – Москвичи ведь ведут себя так, как будто они спят и видят, чтобы их обокрали. Особенно женщины. Классический вариант: мадам, которая повесила сумку на плечо и думает, что теперь ее вещи в безопасности. Она в этом так уверена, что часто даже молнию не додумывается закрыть! Она считает, что следит за вещами. Ничего глупее быть не может. Каждая такая женщина – ходячая жертва карманника. Вопрос не в том, щипнут ли ее – вопрос в том, когда это будет.

На курсах Гушин выяснил, какие основные типы карманников существуют. Раньше он и не подозревал, что их так много. Простейший карманник – так называемый посадочный вор. Такой работает на остановках: срисовывает, когда

люди в ожидании метро или автобуса проверяют кошельки или возятся с телефонами, запоминает, в какие карманы отправляется имущество – и ждет посадки в транспорт. Во время толчеи происходит сам «щипок». Другой распространенный тип – бакланщики, работающие в парах. Один отвлекает внимание жертвы. Второй совершает кражу, прикрывая рывок сумкой или пакетом. А еще есть салонные воры, пинцетники, писаки, трясуны и другие.

Каждый день с 9 утра до 1—2 часов дня слушатели изучали теорию. А потом переодевались в штатское и выдвигались «закреплять результаты» «в поле».

– Запомните обобщенный портрет среднего щипача, – учил их инструктор. – Ему от 20 до 35 лет, иногда больше. Чаще всего худощавый. Одевается неброско, в серое или темное, чтобы ничем не выделяться в толпе. И, конечно, взгляд. Щипач смотрит, не как все. Он следит не за прибывающим транспортом, потому что плевать ему, куда ехать, он никуда не торопится. Он следит за пассажирами. Ищет лоха. Взгляд, как правило, направлен вниз. В руках обычно газета, или пакет, или легкая сумка. Что это, зачем? Правильно, это ширма.

«Полигоном» для обкатки получаемых знаний стали самые неблагоприятные места Москвы по части карманных краж. Несколько рынков, автовокзалы – и, конечно, метрополитен. Особенно его южная и восточная части, где наблюдается самое большое количество краж.

По итогам занятий оказалось, что Гушин вошел в число лучших на курсе. И его, неожиданно для себя самого, направили в отдел по борьбе с карманниками. Так он и стал младшим соратником Богданова.

Следующий день вроде бы ничем не отличался от предыдущих. Но – только вроде бы. На самом деле именно тогда, на следующий день, все и началось.

– На три часа, – буркнул Богданов, меняя марафет – убирая в карман бейсболку и натягивая капюшон кофты на затылок.

Справа, на три часа, Гушин разглядел в толпе снующих по платформе пассажиров двоих знакомых. Лично Гушин не успел с ними познакомиться, зато хорошо знал обоих по фотографиям – в его обязанности, как новичка, входило ежедневное изучение фототеки всех зарегистрированных и проходящих по досье полиции метрополитена карманников. Короткостриженный, небритый Ваха в серой ветровке. И 26-летний щуплый, с восточным разрезом глаз, Кузьма. Это была его кличка. Оба топтались у края платформы, делая вид, что ждут поезд – а сами украдкой сканировали сумки потенциальных жертв.

– Заходи слева.

Когда подошел поезд, опера загрузились в вагон вслед за Вахой и Кузьмой. Гушин заметил, как те обменялись едва заметными жестами.

– Договариваются, кто будет щипать, а кто прикрывать, – шепнул Богданов. – Эти двое часто вместе работают.

В качестве жертвы они выбрали семейную пару. Полная низенькая женщина с сумкой и ее тщедушный мужичок в старомодных стареньких очках. Ваха протиснулся к ним –

очевидно, роль прикрытия досталась ему. Он встал боком между супругами, блокируя и отсекая мужичка. А затем принялся привлекать к себе внимания, громко и противно собирав в горле мокроту – так, как часто делают заядлые курильщики. Супруги, как и должно быть, зашевелились, чтобы вернуть равновесие. В этот момент позади женщины начал работать Кузьма. Прикрываясь пакетом, он потянул пальцы к ее сумочке. Гушин этого не видел, но угадал по характерному движению плеча.

Продвигаясь вперед и не сводя глаз с Кузьмы, Гушин успел заметить кошелек в его руке. Секунда – и кошелек отправился назад в сумочку. Очевидно, Кузьма поспешил, потому что женщина что-то почувствовала. Она строго обернулась и сказала:

– Эй!

В этот момент перед ними вырос Богданов.

– Антоха, этого держи! – бросил, теперь уже не таясь, он Гушину, а сам схватил Кузьму за запястье. – Не шевелись, Кузьма. Женщина, полиция. Проверьте свой кошелек.

– Что? – растерялась та. – Чего это? Чего?

Богданов повторил. Гушин тем временем блокировал Ваху. По его бегающим глазам, которые он бросал на двери вагона, Гушин понял, что карманник рассматривает и версию побега, и покачал головой:

– Не советую, хуже будет.

В этот момент поезд стал замедляться, за окном замелька-

ли колонны, а уставший голос по громкоговорителю объявил станцию – «Парк культуры». Богданов вывел на платформу Кузьму, Гуцин Ваху, растерянные супруги выбрались следом. Присев на скамейку у одной из колонн, женщина забралась в свою сумочку и принялась в ней рыскать. Нашла кошелек, открыла, зашевелила пальцами и губами. Подняла глаза.

– У меня не пропало ничего.

– Пересчитайте.

– Да не пропало ничего, говорю. Столько же, сколько и было. Что я, денег своих не знаю?

Богданов мысленно выругался.

– Ладно. Извините за беспокойство. Больше вас не задерживаем. А вы двое идете с нами.

Полная женщина и ее тщедушный мужичок удалились, что-то ворча. Кузьма и Ваха вели себя спокойно, что только раздражало. Их повели в местное отделение, расположенное у перехода. Богданова люди в форме признали, а вот Гуцин на всякий случай показал удостоверение – за месяц службы он успел познакомиться не со всеми людьми подземелья.

– Документы, – командовал Богданов. – Карманы вывернул. Вещи на стол. Медленно! Ты тоже.

А в это самое время в десятке километров от «Парка культуры», но в паре минут езды от нее – на станции метро, где располагалось отделение полиции на метрополитене, к которому были прикреплены оперативники – происходили

странные вещи.

Все началось, когда в метро спустился худощавый и жилистый, черноволосый парень лет 25—30 с характерной восточной внешностью. На нем были кожаная куртка и черная вязаная шапочка, а за плечами висел полупустой городской рюкзачок. Самый обычный парень, которых в метро пруд пруди — глазу не за что зацепиться. Он прошел через турникеты и начал спуск вниз по облицованным мрамором ступенькам. Людей было много — будни, разгар дня — и парень с рюкзаком, хоть и спешил, но не пробивался вперед, не обгонял и не работал локтями, а старался держаться в потоке.

Шагая вниз, парень с рюкзаком периодически совал руку в карман и что-то проверял. Убедившись, что это что-то на месте, он убирал руку, но через несколько секунд машинально снова шнырял ладонью в карман — убедиться, что драгоценное нечто продолжало оставаться там, где ему положено быть.

Когда парень с рюкзаком вышел на платформу, поезд только тронулся и с нарастающим гулом и свистом понесся в тоннель, как гигантский червяк, которому сделали угол адреналина. Спешить тем более было необязательно. Парень с рюкзаком двинулся вдоль ряда колонн к центру платформы.

Какой-то неловкий тип задел его плечом — так, что парня развернуло на 45 градусов. Он уже открыл было рот, чтобы сказать хаму пару ласковых, но хама не обнаружил. Повсюду

были только спящие по своим делам люди, и парень понятия не имел, кто именно задел его.

Ну и черт с ним, подумал парень и продолжил движение. Через пару секунд он сунул руку в карман, чтобы в очередной, неизвестно какой по счету, раз убедиться в наличии его драгоценного имущества. И застыл, невольно разинув рот. Потому что карман оказался пуст.

Карманник! Его обокрали!

Парень с рюкзаком похолодел. Он принялся озираться по сторонам, в лихорадочной и панической попытке понять и вычислить, кто так нехорошо с ним поступил. Это было бесполезно.

Парень вспомнил все ощущения от толчка неизвестного в плечо. Теперь он убедился окончательно – парень стал жертвой карманника.

Парень бледнел с каждой секундой. Озираясь и мечась по платформе, он забыл, куда держал путь. Словно вся его жизнь изменилась раз и навсегда. Впрочем, так оно и было.

Парень с рюкзаком понятия не имел, как теперь быть. Ехать на встречу было бесполезно. Отложить ее, восстановить данные и передать их позже, делая вид, что ничего не случилось?

А если... Парень побледнел еще больше. А если это был – не просто карманник? А если кто-то о чем-то узнал, и сейчас его сделали пешкой в чужой игре? А если теперь все их Дело – под угрозой?

Парень не мог рисковать всем. Он выхватил телефон и принялся названивать по одному ему известному номеру. Когда на том конце послы двух гудков взяли трубку, парень затараторил. Он говорил возбужденно, стараясь тихо, но его голос все равно слышали все прохожие. Многие косились на него: во-первых, парень вел себя нервно и был взвинчен, во-вторых, он продолжал озираться по сторонам, хотя глупо было на что-то надеяться, в-третьих, он говорил на никому из прохожих не известном гортанном языке.

Парень замер на полуслове, когда в толпе мелькнули синие мундиры. Их было двое. Двое полицейских – с дубинками, рациями и жетонами на груди – шли прямо к нему. Только сейчас парень понял, каким был дураком, что так себя повел. Он похоронил все шансы на успех.

– Молодой человек, – когда до парня оставалось пара метров, сказал один из полицейских, – Ваши документы, пожалуйста.

Парень вел себя, как дурак, потому что не был готов к предыдущему инциденту в метро. Его к такому не готовили. Но к нынешнему инциденту он был подготовлен. Нечто подобное он переживал мысленно десятки раз. И сейчас ему не нужно было принимать никаких решений – решение было принято уже очень давно.

Он развернулся и побежал. Парень с рюкзаком со всех ног бросился к выходу в город. Он несясь вперед, расталкивая прохожих, которые что-то вскрикивали, ойкали или

просто немели. Позади раздался вопль «Полиция! Стоять!», но парень лишь увеличил скорость. Ему было необходимо вырваться наружу.

Толпа впереди стала подниматься вверх, как живой склон человеческой горы — ступеньки, ведущие к выходу на поверхность. Но именно там его поджидали новые неприятности. В толпе он различил человека в полицейской форме. Тот посмотрел на парня с рюкзаком, удирающего от кого-то, разглядел в 5—6 метрах позади бегущих коллег в форме — и сообразил.

— Стоять! — крикнул полицейский и побежал наперерез. Прямо на парня.

Остановился он лишь на долю секунды. Слева от платформы все завибрировало и завывло, а платформу станции метро заполонили увеличивающиеся и нарастающие гул, свист и стон из тоннеля. Поезд. Парень оглянулся на настигающих его преследователей, которые уже тянулись к своим дубинкам. Парень с рюкзаком стиснул зубы и метнулся налево, к краю платформы. А потом прыгнул вперед.

Поезд, вынырнувший из темноты, осветил ярким лучом прожектора лицо рухнувшего на рельсы перед ним человека в черной куртке и с рюкзаком на плече. А потом был удар. И следом — крики, охи и ахи очевидцев, которые становились все громче.

Патрульные остолбенели, глаза на визжащий от экстренного торможения поезд метро и не веря своим глазам. Потом

переглянулись, и один из них дернул с пояса рацию:

– Центральная, пост 45—1, у нас ЧП!

На станции «Парк культуры» Гушин и Богданов смотрели вслед удалявшимся по переходу Вахе и Кузьме.

– Надо же, как подфартило сукам, – ворчал Богданов. – Он ведь вытащил лопатник! И сразу назад сунул, гнида. То ли почуял что-то, то ли... Черт.

– И что будем делать?

Богданов пожевал что-то во рту и сплюнул.

– Они продолжают работать. Давай за ними. Только теперь осторожно.

Выдвигаясь за карманниками, оперативники быстро переоделись. Богданов снова нацепил бейсболку, а на шею повестил наушники. Гушин на ходу вывернул двойную – купил специально для работы! – ветровку, превратив ее из серой в синюю, нацепил на нос широкие солнцезащитные очки и затолкал в рот половину пачки жевательной резинки.

А затем карманники разделились. Гушин видел, как Ваха и Кузьма перебросились парой фраз и разошлись. Ваха двинулся к выходу в город, а Кузьма направился к переходу с Сокольнической на Кольцевую.

– Все, – буркнул Гушин. – Отбой.

Богданов не собирался сдаваться.

– Ничего не все. Им подфартило, не каждому так везет. А день-то только начинается. Не с пустыми же руками им с работы возвращаться. Ваха – черт с ним, но Кузьма еще

собирается поработать. Вот увидишь.

Гущин послушался, потому что ничего другого ему не оставалось.

Кузьма всем своим видом демонстрировал, что шарить по карманам больше не собирается. Зайдя в вагон, он уселся, извлек из своего пакета газету и принялся читать. Пару раз стрельнул глазами по сторонам, проверяясь. Гущин исподлобья, стоя в 10 метрах от карманника и, несмотря на расстояние, еще и маскируя свой взгляд очками, видел, как Кузьма быстро скользнул взглядом по нему, не останавливаясь. Слава марафету.

Вор доехал до «Таганской». Там засобирался. Уже на платформе Гущин сообразил, что Богданов был прав – Кузьма не собирался сдаваться. Потому что вместо выхода в город он перешел на Таганско-Краснопресненскую линию и принялся бродить по платформе, выискивая жертву.

– Он на Беговой как-то раз кошелек ломанул, – вспомнил Богданов. – По камерам его срисовали, да предъявить нечего было.

Заходя в вагон, Кузьма на секунду прижался к толстяку. Когда тот обернулся, Кузьма, как и полагается, сделал рожу кирпичом и просто обошел его.

– Ничего не спер, – предугадывая вопрос Гущина, кратко бросил Богданов.

Опера вошли в соседние двери вагона и замерли у поручня, следя за Кузьмой. Тот прошествовал на пару метров в их

сторону, подальше от заметившего его – и наверняка запомнившего —толстяка, ухватился за петлю и с отсутствующим видом уставился в окно.

Но так продолжалось недолго. Уже перед «Кузнецким мостом» сидевшая в метре от Кузьмы женщина в наушниках сунула книжку в сумочку, забросила ее на плечо и направилась к выходу. Кузьма пристроился следом. Богданов одним взглядом отдал команду, и Гушин принялся продираться в сторону домушника.

Поезд прибыл на станцию, когда их разделяли жалкие два метра. Со своей позиции Гушин отлично видел все. Когда поезд начал замедлять скорость перед остановкой, кучка желающих выйти пассажиров сгруппировалась у выхода. Кузьма держался строго за девушкой. Приподнял пакет, прикрываясь им, как ширмой. Время он рассчитал тютельница в тютельница – когда карманник выудил кошелек из сумочки, та дернулась, девушка почувствовала что-то, но в этот момент двери распахнулись. Опередив ее и еще раз задев, теперь локтем, сумочку девушки – чтобы показать, что ее предыдущее «что-то» не таило в себе никакой угрозы – Кузьма просочился вперед и выскользнул на платформу перед своей жертвой.

Оказавшись на станции, Кузьма тут же шагнул в сторону перехода на «Лубянку». Гушин обернулся, увидел Богданова и махнул ему рукой на удалявшуюся в другую сторону девушку. Тот кивнул. Тогда Гушин бросился к Кузьме.

– Секунду!

– Что? – Кузьма не верил своим глазам. – Опять?

– Руки, чтоб я видел! – рывкнул Гушин, напрягая глаза. –

Только попробуй мне скинуть, зубы выбью, понял?

Девушка, которой Богданов торопливо объяснил, в чем дело, бросилась проверять сумочку. Ее глаза расширились, когда она обнаружила отсутствие кошелька.

– Его нет! Мои деньги... Их нет!

Богданов едва не крикнул от удовольствия.

– Пройдемте с нами.

В этот день на их станции от оперативников дежурил Курилин. Богданов похвалился ему, связавшись по служебному телефону, что они взяли Кузьму, и, как всегда, предложил это дело вечером отметить. Если бы день прошел впустую, они все равно что-нибудь, да отмечали бы, поэтому Курилин согласился. Но дожидаться приятеля и новичка-Гушина в стенах ОВД ему не удалось – рация захрипела, телефоны зазвонили наперебой, и Курилин узнал о произошедшем на их родной станции ЧП.

Когда он прибыл на платформу, где неизвестный парень с рюкзаком сломя голову сиганул под поезд, та была уже забита коллегами и работниками метрополитена. Движение на ветке приостановили на несколько минут – на время, которое понадобилось, чтобы найти между поездом и задней стеной тоннеля, облицованной мрамором, обмякшее тело неизвестного с переломанными костями, и выудить его

на поверхность. Труп положили в конце платформы, за крайней колонной, и, чтобы не смущать пассажиров, даже отгородили его металлическим заборчиком и накрыли куском брезента.

– Карманы обыскали?

– Нет, когда бы?

– Перчатки дай.

– Свои надо иметь, ты ж дежурный.

– Так дашь перчатки или нет? Эй, вы, мужики, загородите нас, а то вдруг тут особо чувствительные ходят...

Натянув латексные перчатки на руки, Курилин откинул кусок брезента. Трое постовых, как маленькие лебедята в том спектакле, зашевелились и нестройным рядом заслонили картину от случайных взоров с платформы. Курилин быстро пошарил по карманам.

– Документов нет. Вот черт... Лопатника тоже. Ключи... Хм. А, вот они. И это все? Вы ж говорили, что он по телефону орал, когда вы его тормознуть решили? Телефон-то где?

– То, что от него осталось, – поправил один из постовых и вручил Курилину обломки сотового телефона, брошенные в прозрачный полиэтиленовый пакет. Курилин повертел его, изучая. Засунул внутрь руку, извлек разломанный надвое корпус трубки. И под аккумулятором нашел сим-карту.

– Симка целая. Уже хорошо.

В отдел Курилин вернулся лишь через час, уладив к этому времени все формальности на станции. Запросил видео с ка-

мер наблюдения на платформе. Написал запрос криминалистам на проверку сим-карты. И занялся текущими делами, потому что у дежурного опера дел много всегда.

Так продолжалось до 8 вечера, когда началось ночное дежурство и на смену Курилину заступил другой опер. А Курилин мог спокойно насладиться традиционной кружкой пива в компании старого друга Богданова и новичка Гущина.

– Сработал Кузьма грамотно. И рассчитал все хорошо, и на выходе из вагона успел даже лопатник опустошить и скинуть. На руках были только деньги. Но девка сказала, что у нее было две штуки. И нам тоже повезло: мы же за час до этого только урода хлопнули! В «Парке культуры» даже протокол досмотра валяется. Денег у Кузьмы было с собой – пятихатка. А на «Кузнецком мосту» – уже две с половиной.

– Размножаются, как кролики, – хмыкнул Гушин. – Вот мне бы так.

Курилин вскинул брови.

– Вот тебе бы так – что? Размножаться, как кролик?

– Нет. Я про деньги. Вот бы у меня деньги так размножались.

Богданов хохотнул:

– Я-то думал, ты опять про свою девку.

– Какую еще девку?

– Не ломайся тут передо мной. Ту самую девку, которую ты глазами так буравишь каждый вечер, что она скоро светиться начнет, как после рентгена.

– После рентгена не светятся.

– А это смотря какая доза. Ты-то бедную девчонку каждый день облучаешь. Заговорил бы уже, что ли? Пива нам, кстати, закажи еще.

Гущин решился. Выждал, когда к стойке подойдет Оля, чтобы передать бармену заказ очередных клиентов. Пока она возилась с подносом, рядом нарисовался Гущин.

– Привет, Оля.

– Виделись вроде, – улыбнулась девушка. – Минут пять назад. Я вам орешки приносила, помнишь?

– Тогда снова привет. Хорошего человека можно приветствовать до бесконечности, говорят.

– Да? И кто говорит?

– Я сказал, только что. Помнишь?

Оля рассмеялась.

– Один-один. Что-то еще?

– Да. Ты ведь здесь не каждый вечер, правильно? Ну, то есть, я обращаю внимание – вроде бы ты работаешь три дня через один?

Оля удивленно вскинула брови.

– Так и есть. А что?

– Ну, я тут подумал... Может быть, в те дни, когда ты не работаешь, тебе бывает скучно... Мы могли бы встретиться.

– Встретиться, – повторила Оля, внимательно его изучая. – Чтобы – что?

– Даже не знаю. Чтобы поболтать, провести время... Как это обычно происходит. Погулять. Или, например, в кино сходить. Или в бар. Ну, знаешь, – Гущин с усмешкой махнул рукой на столик, где что-то оживленно обсуждали Курилин и Богданов, – выпить пива, погрызть орешков.

Оля кивнула. Сдержанно улыбнулась.

– Да, я поняла. Ты... Как тебя зовут?

– Антон. Я уже говорил, но ты, наверное, забыла. Меня зовут Антон.

– Антон, я бы с удовольствием погуляла или куда-нибудь сходилa с тобой. Ну, для разнообразия. Но у меня есть парень. Боюсь, ему это не очень понравится, – Оля пожала плечами и виновато-утешительно улыбнулась. – В общем, я это к тому, что немного занято. Без обид, хорошо?

Гущин растянул губы в ответ, хотя настроения улыбаться почему-то не было.

– Ну, попытка не пытка, правильно?

– Я вчера запросил записи с камер наблюдения на нашей платформе. Все, где мог быть этот наш прыгун. На флэшке принесли. Хотел сегодня после планерки сбагрить. Кто ж знал, что мне этой хренью и заниматься? Теперь просматривать придется.

День был солнечным и ясным. Для людей, привыкших весь рабочий день проводить под землей, как кроты, и видевших дневной свет разве что в выходные, вылазка на поверхность была настоящим праздником. Курилин, Богданов ехали в патрульной машине по улочкам Юго-Западного округа Москвы и глазели в окна, наслаждаясь весенним днем.

– Может, и не придется, – пожал плечами Богданов. – Этот прыгун ведь псих типичный наверняка.

– Кто ж его знает, паскуду...

– Личность так и не установили?

– Откуда? По пальцам результата так и нет. Документов у прыгуна с собой не было. Вот только симка. Правда, на левое имя. На бабушку какую-то записан. У бабушки утеря паспорта пять лет назад произошла, а с тех пор на ее имя знаешь сколько левых номеров оформили?

– Сколько?

– Откуда я знаю? – удивился Курилин. – Витек, это риторический вопрос. Даже не вопрос. Когда говорят «Знаешь

сколько», это означает то же самое, что и «много».

– Я запишу. Обязательно. Буду использовать. Обогащать речь. Морально расцветать и интеллектуально просвещаться.

– Похмелье, что ли? – догадался Курилин.

– Не без того.

– Короче, номер на левое имя. Но он перед тем, как под поезд с платформы сигануть, звонил кому-то. На домашний. Вот как раз на этот адрес мы и едем. Ты с нами?

Богданов, щурясь под лучами солнца, посмотрел в окно.

– Я лучше снаружи покурю. Вы же там недолго?

Вскоре они добрались до нужного места. Это была типовая девятиэтажка на тихой улочке в спальном районе. Патрульное авто заползло во двор и замерло у среднего подъезда. Богданов вышел и закурил, наблюдая, как Курилин с парнями в форме бродят вдоль дома, ища нужный подъезд. Нужный подъезд оказался крайним. Они открыли дверь ключами-вездеходами, которые имеются у каждого приличного опера, и скрылись внутри.

Богданов позвонил Полине.

– Привет, это я, – улыбнулся он в трубку, – Как дела? Что нового? Ага. Ну, ясно. Хотел спросить, какие у тебя сегодня планы?

Курилин и ППСники поднялись на пятый этаж. Выбравшись из лифта, повертели головами, ища нужную дверь. Дверь оказалась массивной, металлической, с попорченным

жевательной резинкой дверным глазком. Курилин потянулся к кнопке звонка.

— Я бы заехал после работы, — внизу, наслаждаясь погодой, говорил Богданов по сотовому телефону. — А, ну и хорошо. Часов в девять, лады? Могу даже винца купить. Или там еще чего-нибудь. Ты бы хотела полусла...?

На самом деле Богданов договорил последнее слово, но звук утонул в оглушительном реве. Это был мощнейший хлопок, словно под самым ухом Богданова лопнул здоровенный воздушный шар — и даже еще сильнее. От хлопка содрогнулось все здание, затряслась земля под ногами, повывлетали стекла в окнах и отчаянно и тревожно зывали хором все припаркованные в подъезде автомобили. Богданов машинально присел, закрывая голову руками. На крышу патрульной машины полетели камни и куски кирпича, разнося проблесковые маячки и лобовое и боковые стекла... От грохота Богданов на секунду оглох — в его ушах лишь набатом звенел и гудел колокол.

Разинув рот и забыв про свой приятный разговор, Богданов поднял голову и посмотрел вверх.

Кусок фасада, приходящийся на пятый этаж, был вырван из здания. Дыра была овальной, внушительных размеров, словно ее проделал пытавшийся пролететь сквозь жилой дом самолет. Из дыры валил перемешанный с пылью густой черный дым. Сквозь его пелену за дырой не без труда угадывались очертания лестничной клетки — мусоропровод, трес-

нувшие бетонные ступеньки, покореженные и вырванные взрывной волной перила – и жилых комнат квартиры, на которую пришелся эпицентр взрыва.

Только сейчас до Богданова дошло, что же здесь случилось.

– Господи, – сдавленно пробормотал он и выронил сотовый.

Гущин примчался на адрес сразу, как в ОВД на метрополитене стало известно о произошедшем ЧП. Теперь это был не один из тех случаев, которых почему-то называют чрезвычайными происшествиями, для красного словца или за неимением синонимов – нет, это было самое настоящее ЧП. Но примчался, как оказалось, зря. Никому он здесь не был нужен. Работа вокруг полуразрушенного от взрыва дома велась масштабная. Повсюду сновали спасатели МЧС, полицейские в форме, криминалисты и даже пара кинологов с собаками. Были здесь и люди в штатском, которые держались настоящими хозяевами ситуации, что с головой выдавало в них адептов ФСБ. От полиции здесь были исключительно местные сотрудники, люди из округа и главка. До Гущина не было никому дела – главное, чтобы не заходил за линию ограждения и не путался под ногами. Работающим на месте даже не был нужен Богданов: его осмотрел врач «скорой», допросили двое в форме, затем еще двое в штатском – и благополучно про него забыли.

– Газ рванул?

– Может, и газ, – не сразу отозвался Богданов, еще не отошедший от шока. Его лицо было пепельно-серым. – Думаешь, я знаю, как взрывается газ? Я тебе что, твою мать, газовик-сапер?

– А... Курилин?

Богданов посмотрел на полуразрушенный, потому что после взрыва по зданию поползли трещины, дом и отвернулся.

– Надеюсь, найдут. Тех пацанов, что с ним были... Одно-го нашли вроде. Меня не подпустили. Я только ногу видел в форме. Оторванную...

Потом на место подъехало высокое милицейское начальство и высокие чины из контрразведки. Они посовещались, поохали, попозировали перед камерами и благополучно уехали решать свои дела, от которых их оторвали.

– Та квартира окнами сюда выходила, – сказал Богданов.

– И что?

– Вчерашний прыгун с рюкзаком. Он звонил сюда, на домашний. Увидел, что его хотят менты тормознуть, и бросился бежать. А потом предпочел сдохнуть, лишь бы его не хлопнули. У прыгуна с собой ничего не было, кроме машины. И та на левое имя. Сергей проверил последний звонок, вот и решил проверить адрес. Просто узнать, что это был за прыгун, как звали, откуда. А тут – бабах...

Гущин задумался.

– Странные какие-то дела.

Богданов тоже задумался. Они уже уезжали, когда Богданов обернулся на дом, облепленный, как муравьями, полицейскими и спасателями МЧС.

– Это был не газ. Я все еще не знаю, как взрывается газ... Но Серегу и двоих ППСников с ним срисовали из окна. По-

няли, что этот адрес засвечен. И предпочли подорвать себя, лишь бы не сдаваться ментам в руки. Все, как со вчерашним прыгуном.

– Ни хрена себе. И что... И что вы думаете... Кто это вообще такие?

Богданов молча побрел к машине, не считая нужным ответить. А может, просто не слышал вопроса. Он все еще был в шоке.

Уголовный розыск ОВД на метрополитене возглавлял майор Шумелов. Невысокий, плотный крепыш с почему-то желтой кожей, хотя всем своим видом он не казался больным – скорее, наоборот, здоровье хлестало через край. Он поскреб потную залысину.

– Похороны нужно будет организовать. Я в кадры звонил, главк поможет с организацией и... У Курилина жены же не было?

– В разводе он. Дочь взрослая, живет в Краснодаре.

– Хм. Короче, если надо, помощь материальную или что, тоже сделаем. Тыловик сейчас материал для пресс-службы готовит, а то они уже требуют информацию на погибшего. Геройски погиб все-таки. Хотя непонятно, что там было, но при исполнении, как ни крути... Вить, что там было?

– Откуда я знаю.

– Ты же с ним был!

– Был бы с ним, сейчас бы и мои кишки по асфальту в пробирку собирали.

Шумелов покачал головой, повздыхал. В перерывах между звонками, а майора постоянно отвлекали, он велел написать подробный рапорт и сразу сделать копии, потому что этим рапортом заинтересуются слишком многие, отдал приказ разобрать между собой текущие дела покойного теперь – Гущину все еще в это не верилось – Курилина и сделал еще несколько распоряжений. Опера уже выходили, когда он кашлянул:

– Да, Виктор, еще... Понятно, что это вообще сейчас не к месту... Но вашего вчерашнего задержанного Каратаева, карманника, по кличке Кузьма. Его отпустили.

– Как так? То есть – что? Мы его с поличным взяли.

– Сам пока не знаю. Но нам из СК бумажка по вашу душу пришла. Обоим завтра явиться к следователю. В Следственный комитет, – Шумелов снова повздыхал. – Что там у вас нечисто было с этим Кузьмой, значит...

Богданов после работы, унылый, серый, все еще пытавшийся смириться с произошедшим, отправился заливать горе к любовнице. Даже не любовнице, а, скорее, подружке. У них вообще были странные отношения. Виделись раз в неделю, иногда чаще. Всегда по одному сценарию: Богданов звонил Полине и узнавал, какие у нее планы. Если планов не было – приезжал. Идеальные отношения для холостяка 40 с лишним лет, который не собирался менять ничего в жизни. Как и Полина. По крайней мере, Богданов так думал. Придя к Полине, он поставил на стол бутылку водки.

– Если ты не возражаешь.

– Что-то случилось?

Богданов молча потянулся к полке со стаканами.

Гущин отправился в бар с остальными операми отдела, которые решили посидеть и отдать дань погибшему коллеге. В их ОВД на метрополитене коллектив был небольшим и тесным, а тянувшего свою лямку долгих 20 лет Курилина знали все. Пили, кто что предпочитает. Посиделка получилась грустной, молчаливой, как и подобало случаю. Периодически все выходили покурить. В один из таких моментов к столику подошла Оля.

– Что, Иванушка, не весел? Что головушку повесил?

– Антон меня зовут. Как Чехова. Или как того пацана из сериала... Антон.

– Да я так, пошутить решила. А где те двое, с которыми ты обычно...?

– У одного другие дела, – поколебавшись, отозвался Гущин. – Второй сегодня вроде как погиб.

– Ой.

Оля больше не задавала вопросов. Пробормотала что-то, смахивающее на слова сожаления – вышло дежурно, как обычно это и выходит – и ретировалась.

Минут через 15 на пороге бара объявился высокий черноглазый парень. Оля в это время вытирала крошки со столика, который только что опустел. Парень подошел к ней сзади, обнял и поцеловал в шею. Оля вздрогнула, но, обернувшись

и узнав гостя, тепло ему улыбнулась и ответила поцелуем. Когда они начали шушукаться, постоянно почему-то трогая друг друга, Гушин отвернулся и потянулся за бутылкой.

В СК они – и Гушин, и Богданов – оказались около полудня.

– Вот заявление гражданина, ээем, Каратаева. Вчера, 6 сентября, он вместе с его знакомым гражданином, ээем, Хевсуридзе находился в поезде метро на станции «Парк культуры». Где к нему подошли двое сотрудников полиции и заявили, что он совершил кражу у гражданки, ээем...

– Мы ничего не нашли и отпустили его, – буркнул Богданов.

– Совершенно верно. Но это ведь не все. Вот, я читаю заявление гражданина, ээем, Каратаева: «Я находился на Таганско-Краснопресненской линии метро и двигался по своим личным делам в центр. Когда я вышел из вагона метро на станции „Кузнецкий мост“, ко мне подошел один из сотрудников полиции, которые ранее задержали меня на станции „Парк культуры“. Меня снова доставили в отделение. На допросе Богданов В. и Гушин А. пригрозили мне физической силой, требуя признаться в карманной краже. Я воспринял угрозу всерьез, поэтому согласился взять кражу денег на себя. Затем Богданов В. положил мне в карман куртки 2150 рублей. Во время личного досмотра в присутствии понятых эти деньги у меня были изъяты».

– Упырь, б... дь, е..ный! – запыхтел Богданов.

– Гражданин, эээм, Богданов, я бы попросил вас воздержаться от подобных, эээм, комментариев.

– Это карманник с двумя ходками!

– Он подал на вас официальное заявление. Перед тем, как заводить дело, я должен провести проверку, для чего мы с вами тут сейчас и собрались. Что вы можете пояснить по поводу показаний гражданина, эээм, Каратаева?

– Что он упырь, б... дь, е... ный! Соскочить хочет, вот и написал свою писульку, что, не понятно разве?

– А вот у меня ваш рапорт, – следователь зашуршал бумагами и взял другой документ. – Здесь стоит ваша, гражданин, эээм, Богданов, подпись. Согласно рапорту, вы доставили задержанного Каратаева в пункт полиции на станции «Кузнецкий мост» в 14.50, правильно я говорю?

– Во сколько доставили, столько и написал!

– Вооот, – почему-то обрадовался следователь. – В 15.20 был составлен протокол. Но я запросил запись с камеры наблюдения. И что вы думаете? На записи хорошо видно, что уже в 14.25 вы заводите гражданина, эээм, Каратаева в наручники в пункт полиции.

– И что? Ну, ошиблись чуть-чуть. Что из этого?

– А то, что это косвенно подтверждает показания гражданина, эээм, Каратаева. Согласно которым, вы допрашивали его и заставляли признаться в краже, и лишь после этого начали составлять протокол задержания.

Гущин поверить не мог. А еще не мог вспомнить, кто

из них вписал в рапорт время. И уж тем более, почему вписал именно это время. Возможно, спросили у кого-то в местном участке. Скорее всего, так и было!

– Да вы допросите местных тогда, они и скажут все! Мы у них время спросили. Машинально, когда составляли бумажку, спросили, сколько время. Кто-то из местных парней и ответил, что 14.50 было!

– А мы проверим, – пообещал следователь. – Но несоответствие по времени говорит не в вашу пользу. По мне, так здесь налицо возможное превышение служебных положений и злоупотребление...

– Так «возможно» или «налицо», вашу мать? – кипел Богданов.

Когда они вернулись в отдел, старший опер сразу бросился к Шумелову. Тот повздыхал, поохал и пообещал помочь. Снял трубку и принялся названивать некому старому знакомому в следственный отдел.

– Вы поймите, – увещевал он собеседника, подмигивая Богданову, – Ловить карманников это самое сложное! Это элита сыска, можно сказать! А это не мои слова, это в учебниках написано! Да, да, именно так! Не каждый опер справится. А эти мои парни в число лучших входят. В прошлом году группа Богданова раскрыла почти 10% от всех зарегистрированных краж! Зачем им повышать показатели, если по раскрываемости они и так в числе лучших на всем метрополитене? Да, да! Конечно, характеристику хоть сейчас на-

пишу! Вот именно. И это, вы как-нибудь повлияйте на этого вашего сотрудника. Нельзя же рубить с плеча, в самом деле!

Вздохнув, он положил трубку.

– Не знаю, Виктор. Надеюсь, поможет.

– П...ц, – зло отозвался Богданов. – Хлопнули карманника, полдня его выслеживали, с поличным взяли – и на тебе. Нас теперь закрыть хотят! Служу, твою мать, России.

– Не заводись. Все хорошо будет. Ну... надеюсь.

Вечером Богданов решил посмотреть телевизор, чтобы отвлечься. Оказалось, что во всех городских новостях только и говорят, что о вчерашнем взрыве. Но то, под каким соусом это было подано, стало неприятным сюрпризом.

– ...В результате хлопка обрушились внутренние стены и наружная стена на уровне пятого этажа, общая площадь обрушения составила около 40 квадратных метров, – со скорбным лицом говорил корреспондент. – Погибли пять мужчин, их тела были найдены во время разбора завалов, Сейчас личности погибших выясняются. При этом на момент ЧП в доме находилось около 60 человек, так что жертв могло оказаться намного больше. По предварительной версии, причиной ЧП стал взрыв бытового газа. Подробности...

Матерясь, Богданов выключил телевизор и запустил пульт в дальний угол комнаты. А потом пошел на кухню и полез в холодильник.

На следующий день были похороны Курилина. С начальством, с телевидением – хотя позже стало понятно,

что это лишь оператор из ГУВД – из их же, полицейской, пресс-службы – и почетным караулом, которые дали в небо несколько залпов. Все опера были в форме. Но нарядно Богданов не выглядел: одного взгляда на него было Гущину достаточно, чтобы понять, что тот, помятый, небритый, с мутными глазами, пил половину ночи как минимум.

После обеда все вернулись в отдел. Решили помянуть Курилина по-своему в одном из кабинетов. Богданов на минутку заглянул в кабинет погибшего коллеги и друга, потому что именно у Курилина – жестокая ирония судьбы – хранилась вереница стаканов для подобных случаев. Это была узкая клетушка два на два метра, где еле помещались письменный стол, сейф и два продавленных стула. Богданов сел за компьютер и задумался о своем, о невеселом. Смерть – странная штука. Никогда нельзя быть к ней готовым. Человек шутил, строил планы, а потом вмешалось провидение – и от человека остались только воспоминания. Сначала живые – такие живые, что, кажется, человека можно потрогать, увидеть, что вот сейчас откроется дверь и он нарисует на пороге, будто все предыдущее было сном. Но потом они блекнут, и призрак человека постепенно стирается. А ведь этот человек жил, а внутри него – как и внутри каждого из нас – был целый мир. Смерть – странная штука.

Скрипнула дверь. Богданов вздрогнул. Но это был не Курилин, а Шумелов.

– Ну ты где там? Стаканы-то тащи. Все в сборе. Помянуть

надо все-таки...

– Да иду я.

Шумелов скрылся. Вздохнув, Богданов принялся рыскать по ящикам письменного стола друга, потому что где-то там и должны были храниться стаканы. В верхнем – бумаги, папки, канцтовары, какие-то флэшки. В среднем – свертки, задохшая булка, банка с растворимым кофе. В нижнем... А вот и стаканы!

Стоп. Рука Богданова замерла, а потом вернулась к верхнему ящику. Флэшка. Он вспомнил слова, сказанные Курилиным позавчера – за 10—15 минут до его, Курилина, смерти. «Я вчера запросил записи с камер наблюдения, – говорил он, пока они ехали на похоронивший друга адрес. – Все, где мог быть этот наш прыгун. На флэшке принесли». А вот и флэшки. Здесь их было три, но Богданов безошибочно взял лишь одну – такой у Курилина не было.

Включил компьютер. Пока тот со скрипом загружался, достал стаканы, выставил их в ряд на столе. В дверь снова заглянули. На этот раз Гущин.

– Виктор, ну это... все ждут...

– Достали уже. Сейчас, сказал же!

– Стаканы-то можно взять?

– Ни в чем себе не отказывай.

Компьютер наконец загрузился. Богданов воткнул флэшку в USB-порт на системном блоке. Открыл папку. Четыре видеофайла – по количеству камер на платформе. Щелкнул

по первому же. Гушин звенел стаканами, пытаясь за раз захватить их все.

– О, а что это у вас? Видео? Это наша станция?

Богданов шикнул на него, веля заткнуться. Промотал запись вперед. На мониторе возник прыгун, парень с рюкзаком, который метался по платформе, озираясь по сторонам, а потом вдруг рванул от спешащих к нему полицейских. Богданов сдвинул ползунок видео чуть назад. Парень с рюкзаком вышел на платформу. Он двигался вперед, стараясь искусно лавировать в толпе, но вдруг кто-то в сером больно задел его по плечу – парня аж развернуло. Он принялся озираясь, но толкнувшего его человека не заметил.

– Твою же мать, – пробормотал Богданов, – Антоха, смотри!

– Что? Кого? Которого?

– Промотаю чуток... Смотри внимательно!

Гушин прищурился, уткнувшись в монитор. Вот парень идет по платформе. Вот с ним сближается быстро шагающий тип. Вот он задевает парня с рюкзаком по плечу. Богданов быстро щелкнул мышкой, нажимая паузу. На застывшей картинке было видно расплывчатое пятно вместо руки неприметного типа. Той самой руки, которой он незаметно, замаскировав движение толчком по плечу, залез парню в карман.

– Узнаешь его?

Гушин внимательно вглядывался в силуэт карманника. Худощавый, совершенно неприметный с виду, лет 30. Нос

с горбинкой и выдающийся кадык... Кадык! Гущин ахнул, вспоминая вора, которого они с Богдановым безуспешно пытались выследить на «Юго-Западной».

– Тот самый щипач, – выдохнул Гущин.

С утра закипела работа.

– Кто это? – спросил Шумелов, уставившись на фотографию карманника.

– Подпиши запрос, – настойчиво повторил Богданов. – У нас в базе его нет, я всю фототеку прошерстил. Да и Гущин последний месяц тем и занимался, что рожи карманников изучал. Но у нас Кадык не числится...

– Кадык?

– ...Значит, заезжий гастролер. Нужно бросить клич, может, где-нибудь его и опознают.

– Виктор... Ты чего затеял?

– Я? Совсем ничего.

– Если ты по поводу взрыва... Нам ведь ясно дали понять. Делом занимаются главк и ФСБ. Нас они не посвящают, ничего сообщать не собираются, но они имеют на это право. Курилин был твоим другом, я его тоже знал черт знает сколько лет... Но мы должны просто делать свою работу и не лезть, куда нас не просят. Мы здесь просто ловим карманников.

– Ну так вот этот чувак на фотографии – карманник и есть. Давай ловить, это же наша работа. Правильно?

Шумелов обреченно вздохнул, но запрос все же подписал. Богданов рванул в дежурку. Уже через полчаса ориентиров-

ка по спецканалу связи разлетелась по подразделениям внутренних дел по всей стране. С призывом написать или позвонить в ОВД, если кто-то из коллег опознает человека на фотографии.

После этого Богданов отправился в метрополитен. В операторской, где десятки людей следили за мониторами, на которых в режиме реального времени отображалось происходящее на почти дюжине станций, работал его знакомый Василич.

И что это? – пробурчал Василич, когда Богданов вручил ему флэш-карту и фотографию Кадыка, распечатанную с самого удачного кадра.

– У вас система распознавания лиц уже действует?

– Пока тестируем...

– Василич, мозги мне не компостируй, а?

Василич вздохнул.

– Ладно, и чего тебе?

– Я хочу знать, когда он объявится в метро.

– Сдурел?

– Сокольническая ветка.

– Богданов, ты офонарел совсем.

– «Юго-Западная», «Проспект Вернадского» и «Университет». Всего три станции.

После этого Василич сдался.

– Ладно, запущу в систему. С тебя пузырь.

Сеть была заброшена. Но Богданов не собирался сидеть

сложив руки и просто ждать информации. Вернувшись в отдел, он бросил молодому напарнику:

– Гущин, поехали.

– Куда?

Богданов не ответил ничего, пока они не сели в машину и не вырулили с парковки перед отделением.

– Знаешь, кто такой Шарик?

Гущин колебался, не зная, как ответить.

– Ну... круглый шарообразный предмет... Уменьшительно-ласкательное... А еще так собак называют...

– Понятно. Шарик – это вор в законе.

– Да ну?

– Во времена, когда порядки в блатной среде были немножко другими, он контролировал все карманные кражи в нашей части Москвы. Был смотрящим в нашем курмыше над всеми щипачами, которые работали и в магазинах, и на рынках, в автобусах, в метро. Потом порядки изменились. Да и Шарик сдал, что тут и говорить – ему сейчас уже лет 70, наверное. Но связи остались. Старый вор все равно в теме.

– Аа, – кивнул Гущин. – Хотите, чтобы авторитетный вор на Кузьму надавил? Заставил его кончать с беспределом?

– Хм. Неплохая, кстати, идея.

– Есть что-то еще?

– Ты слышал, что я только что тебе сказал? Он может знать Кадыка. А если не знает сам, то точно знает тех, кто его знает. А это то же самое, что знает сам. Говорю же, Ша-

рик в теме.

– А он нас вообще слушать будет?

– Тебя нет. Но ты будешь стоять в сторонке и молчать. Говорить буду я. Я с щипачами 15 лет работаю, – Богданов очень любил это повторять, – Да и самого Шарика по молодости брал, было дело. Так что мы с ним старые знакомые.

Заворачивая во двор, Богданов едва не угодил в ДТП. Виной тому стала синяя «Киа», на всех порах вылетающая на улицу. Визг шин, Богданов стиснул зубы и выкрутил руль влево. «Киа» вильнула, задев крылом поребрик, и унеслась прочь.

– М...к! – истошно проорал Богданов в окно. – Твою мать, а. Вот если бы в ГАИ работал, повесился бы давно. Что ж у нас за люди-то такие за рулем ездят? Гуманоиды, блин.

Во двор он сунулся с опаской, ожидая чего-нибудь подобного. Но подвоха больше не было. Они припарковались перед подъездом и спешились.

– Говорить буду я, – напомнил Богданов, когда они направлялись к дверям. – Ты стой себе в сторонке и насвистывай любимую мелодию.

– Гимн России? У вора в законе?

– Ты же пошутил сейчас насчет гимна, да?

Это была сталинка, но очень и очень приличная, выдержавшая капитальный ремонт, и жили здесь люди небедные. Они поднялись на лифте на нужный этаж. И здесь их ждал сюрприз. Дверь в квартиру Шарика была приоткрыта. Из-

нутри доносились голоса и музыка – шум телевизора, включенного на полную громкость.

– Хм, – сказал Богданов.

– Может, он настолько в себе уверен, что не закрывает дверь в принципе? – предположил Гущин. – Ну, типа, «Я вор в законе, какой дурак у меня красть будет?».

– Антон, сделай одолжение, заткнись.

Богданов осторожно потянул дверь на себя. Та открылась бесшумно, демонстрируя широченную, как на подступах к стадиону, прихожую, покрытую идеально подогнанным паркетом.

В метре от входной двери на полу красовалось свежее пятно крови. А от него – кровавый след волочения, змеей уходящей в одну из комнат. Богданов замер, прислушиваясь. Голоса по телевизору спорили про чувства, а кондовые слова и дешевая музыка в три аккорда выдавала отечественное происхождение телепродукта. Никаких других звуков не наблюдалось.

– Жалко, ствола нет, – шепнул Богданов хрипло и осторожно шагнул внутрь.

В комнате они обнаружили стул, который валялся ножками вверх в центре комнаты, на богатом ворсистом ковре. Между окном и здоровенным, в полстены, включенным телевизором, на плоском экране которого говорящие головы испытывали муки любви. Богданов, напряженный, как струна, склонился. Ворс под стулом был темный и влажный

от недавно пролившейся здесь крови.

– Что за хрень, – вслух прокомментировал Богданов и двинулся обследовать квартиру. Гущин, которому было очень не по себе – хотелось выбежать на улицу и напевать любимую мелодию там, а не в этих стенах – последовал его примеру. Туалет, ванная. Кладовка. Гущин хотел пройти мимо, но заметил выбивавшееся из-под двери блестящее влажное пятнышко багрового цвета.

– Виктор, – неуверенно позвал он.

Богданов посмотрел на струйку крови, которая медленно, но все же сочилась из-за двери кладовой. Прихватил рукав куртки и им, как платком, чтобы не оставлять отпечатков пальцев на ручке, приоткрыл дверь помещения.

На полу, посреди коробок и тюков, застыл старик. Полный, морщинистый, в черных носках и цветастых семейных трусах. Его руки были связаны за спиной скотчем. Вместо кистей – кровавые обрубки, потому что убийцы откромсали ему все – до последнего мизинца – пальцы. Одна нога была неестественно вывернута в колене, которое старику сломали еще перед смертью – оно успело разбухнуть и сейчас походило на пунцовый шар для боулинга. Несколько глубоких разрезов на животе, из которых широкими струйками продолжала сочиться кровь, заливая весь пол помещения. Довершал картину полиэтиленовый пакет, нахлобученный на голову старика и затянутый на шее с помощью тугой удавки из куска проволоки. Под мутным слоем полиэтилена угады-

вались черты лица, застывшего в предсмертных муках.

Гущин отвернулся, боясь, что его вывернет наизнанку прямо здесь и сейчас.

– Б... дь, что же это такое...!

Богданов не дал ему прочувствовать момент. Схватив Гущина за воротник, опер встряхнул его как следует и пролаял в лицо:

– Валим, нахер, отсюда!

И первым рванул к выходу.

В эту ночь Гущин был вынужден остаться в ОВД, потому что сегодня по графику дежурств была его ночная смена. Гущин был только рад, потому что после увиденного в квартире Шарика оказаться дома, одному, в четырех стенах, ему не хотелось. Уж лучше здесь. Поближе к людям.

Богданов задержался в отделе допоздна. Он сидел за компьютером, тянул холодный чай и, просматривая видео с камеры наблюдения – то самое, на котором были запечатлены последние мгновения жизни неизвестного им прыгуна – напряженно думал.

– Что происходит, как думаете? – в который уже раз спросил Гущин. – Это же... Блин, это же не гопник какой-то. Целый вор в законе. Пусть и не такой влиятельный, как некоторые другие, пусть ушедший на покой – но все-таки вор в законе.

– Не знаю, Антон. Не знаю.

– А может, это... Может, это не связано никак с нашим делом?

Богданов угрюмо на него покосился.

– Да, конечно, ага. Какой-то карманник крадет в метро что-то, из-за чего хозяин этой вещи аж под поезд прыгает. Опер пытается установить личность прыгуна, выезжает на адрес, и там взрывом убивает опера, еще двоих мен-

тов и разносит половину девяятиэтажки. Мы пытаемся подогнаться к карманнику и едем к законнику, который мог что-то знать. И натываемся на его труп, которому отрезали и сломали все, что можно сломать. Базара нет, Гушин, это все никак не связано – так, совпадения.

– Да я просто, варианты озвучиваю, – обиделся Гушин. – Значит... Значит, эти люди искали Кадыка? Как и мы?

– Если у них есть эта запись, – Богданов ткнул в монитор. – Я не уверен, что она у них есть. Они ищут не конкретно Кадыка. Они ищут того, кто работает на нашей станции. Того, кто спер это что-то из кармана их кореша-прыгуна.

– И что это могло быть? Деньги?

– Не смей меня. У прыгуна были не такие большие карманы, чтобы уместить столько, что ради этого бабла стоило убить четырех человек. И это только пока четырех.

– Кредитная карта? Документы? Алмазы какие-нибудь?

– Кенгуру, телескоп, адронный коллайдер? – разозлился Богданов. – Ты собираешься все вещи в мире перечислять? А можно не вслух?

– Я просто думаю. Как и вы. Интересно, труп Шарика уже нашли?

Богданов покосился на часы. Десять вечера.

– Да уж наверняка. Завтра утром надо будет сводку проверить. Ты точно там ничего не лапал? Пальцев не оставил?

– Само собой, чисто все. Только все равно не по себе... Может, не стоило нам валить оттуда? Вызвали бы ментов,

как полагается, и...

– Я себе еще не враг. Мне уголовное дело грозит за подставу карманника. Я не хочу стоять над трупом короля карманников, глупо щериться и говорить: «Ой, знаете, это не я, это все просто одно большое недоразумение». Тогда ведь точно закроют. И меня, и тебя. И сразу закроют, пацан. Тут с тобой цацкаться никто не станет.

В кабинет заглянул помощник дежурного. Богданов и Гущин разом напряглись.

– Мужики, от оперов кто дежурит? Гущин, ты? Подъем. ППСы чувака с наркотой доставили. Займись.

Богданов засобирался домой. Гущин распрощался с ним, после чего захватил пару бланков для оформления и направился к дежурке. На скамейке перед решеткой, отделявшей дежурную часть от фойе, под охраной постового сидел высокий черноволосый парень. Гущин не выдержал и вздохнул, сразу узнав это лицо. Парень официантки Оли.

– Что у него?

– А вон, сам посмотри.

Изъятое лежало в дежурке. Это был пузырек от какого-то лекарства с темной жидкостью. Гущин приподнял его, рассматривая на цвет.

– Что за бурдомага?

– Лучше бы уж бурдомага, – буркнул дежурный, не отрываясь от журнала, в котором усердно что-то записывал. – Это же «крокодил». У нас торчки в последнее время в таких

шкаликах повадились его перевозить.

«Крокодил»... Естественно, Гушин был в курсе, что это такое, хотя и работал далеко не по наркотикам. Самая мерзкая отравка, которую только мог придумать человек, и без того ведущий себя так, словно основным его инстинктом давно стало не выживание, а скорейшее, любыми путями, самоуничтожение. Дико токсичная дрянь, вызывающая почти мгновенную зависимость. Гушин выругался, быстро вышел из дежурки и шагнул к уныло ссутулившемуся на скамье парню.

– Имя, – рякнул он.

– Вячеслав...

– Давно на игле?

– Я не наркоман.

– Руки показал, – скомандовал Гушин и, видя, что тот колеблется, рявкнул: – Засучил рукава, быстро!

Вячеслав предпочел не конфликтовать, видя буйный нрав опера. Вздернул рукава до локтей, открывая взору Гушина характерные язвы, начинавшие формироваться на коже. Значит, некроз тканей уже начался. Скоро кожа начнет отмирать и отсоединяться от костей.

– Твою мать... Оля тоже?

Вячеслав вздрогнул, услышав имя подруги.

– Что?

– Ты глухой или как? Я говорю, Оля – тоже торчит?

– Нет, вы что! Она вся из себя правильная и... – Вячеслав замер на полуслове. – А вы ее знаете? Блин... Не говорите

ей. Я серьезно, не говорите ей, что меня, ну, что меня хлопнули, я...

Гущин, не в силах бороться с внезапно накатившей на него яростью, отвесил наркоману мощный подзатыльник, от которого тот свалился со скамьи на пол. Брезгливо посмотрел на свою ладонь, тут же пожалев о поступке, и отправился мыть руки, перед этим бросив ППСнику:

– В допросную этого тащи.

Богданов не пошел домой. Возможно, ему тоже не улыбалась перспектива сидеть в одиночестве в четырех темных стенах, пока не сморит сон. Богданов отправился к Полине. Без выпивки. Он планировал провести спокойный вечер и хоть на полчаса притвориться, что проблем – просто нет.

– Витя, слушай.

– Мм?

– Я так больше не могу.

Богданов собирался в душ, чтобы после ванной затащить Полину в постель и раствориться в ней.

– Я могу не идти в душ, если тебе это не нравится.

– Я не про душ. Я про нас. Ты... Раз в неделю ты приходишь, мы едим, иногда выпиваем, потом спим – а утром ты уходишь. И все. Так уже сколько продолжается, год? Я не могу так. Я не хочу так.

– Надо же, – растерянно отозвался Богданов. – А я думал... Мне казалось, обоих все устраивает.

– Тебя может быть. Меня... – Полина невесело улыбну-

лась. — Я ведь знаю, о чем ты думаешь.

— Правда?

— Я и сама понимаю, что у меня мало шансов найти нормального мужика и создать семью. Чтобы как у всех. Но я ведь не чурбан. Я живая. У меня тоже есть инстинкты. Потребности. Желание иметь семью. Детей. Быть в безопасности. Понимаешь меня?

Богданов хотел сказать, что она ошиблась, и ни о чем таком он не думал. Поэтому Богданов промолчал.

— Для чего я тебе, Вить? Ну вот честно. Давай честно! Чтобы было где отсидеться, когда скучно? Поесть борщ, когда захочется? Чтобы было с кем переспать?

— Ты не понимаешь, — решился протестовать Богданов. — Полина, я ведь говорил тебе уже. У меня работа эта чертова...

— Не надо про работу. У нас в стране полицейских — целая армия. И что, у всех то же самое? У многих семьи. У Машки вон муж полицейский.

— У Машки?

— Знакомая. Неважно. Мне интересно... Я сама, как человек, как женщина — я тебе нужна вообще?

— Полина, не все так просто.

— Нет, все всегда просто. Черное всегда черное, белое всегда белое. А розовое в полоску — это всего-навсего розовое в полоску, и ничего больше. Те, кто говорят, что все сложно, хотят просто все запутать.

Богданов подумал и потянулся к футболке, которую только что снял.

– Мне, наверное, лучше домой пойти.

Полина ждала чего-то другого, потому что она горько хмыкнула, скрестила руки, а после паузы согласилась:

– Да. Наверное, лучше.

Может быть, в жизни все действительно было просто. Если идти по этому пути, то свое нынешнее состояние Богданов мог бы охарактеризовать, отбросив все эти фразу про шок, необходимость подумать, переосмысление и прочее, одним коротким выражением: «не кантовать». На него свалилось слишком многое, и всему этому новому нужно было ужиться в его нутре, найти себе место, распределиться и осесть. Поэтому ни о чем думать он не хотел. А уж вести душевные разговоры о будущем – тем более. Он просто хотел, чтобы к нему никто не лез. Забавно, но до последнего момента он был уверен, что Полина – идеальный для этого вариант.

Пришлось все-таки заходить за выпивкой. Вернувшись домой и открыв бутылку пива, Богданов развалился на своем продавленном диванчике, взял в руки гитару и забренчал – тихонько, перебирая струны кончиками пальцев – любимые песни из молодости. Дворовые рок-н-рольные хиты, которые он так любил в годы, когда все было по-настоящему легко и просто. Потому что впереди была вся жизнь, а позади – мечты и еще живые иллюзии о том, что этот мир нас любит.

От фрустрации Богданова отвлек звонок в дверь. Часы показывали половину второго ночи. Кого черти принесли в такое время, Богданов даже предположить не мог. Разве что Полине что-то в голову взбрело, и она решила...?

Это была не Полина. За дверью стояли двое в куртках.

– Богданов? – один из пришельцев сунул ему под нос удостоверение. – Убийный отдел главка. Одевайся, поедешь с нами.

Кафе, в котором по вечерам после работы так любили сидеть оперативники из расположенного через дорогу от заведения ОВД на метрополитене, работало до двух ночи. Это было первое, о чем подумал и что вспомнил Гущин, когда увидел Олю. Она неуверенно возникла на пороге ОВД, робко подошла к дежурке и стояла, закусив губу и не зная, как подступиться к суровому дядьке в форме, не обращавшему на нее никакого внимания.

– Ой, – произнесла она, увидев Гущина. – А ты...? Ты здесь, потому что...? Ой. Ты полицейский?

– Привет.

– Антон, да?

– Как Чехова. И как того парня из сериала.

– Да какого сериала-то? Ладно, неважно. Так хорошо, что я тут знакомого нашла! Слушай, ты не мог бы, ну, помочь немножко? У моего парня проблемы... Его, кажется, задержали. Не знаю, кто и за что.

Гущин вздохнул.

– Давай выйдем на минутку.

Оля подчинилась призыву. Снаружи было темно и свежо. По улице проносились редкие машины, а в паузах между их ворчанием можно было услышать намек на тишину.

Гущин выложил все. Ее парня, Вячеслава Спиридонова, задержал постовой ППС, у него было изъято наркотическое вещество весом около 80 граммов, утром оно будет направлено на экспертизу. Но сам Вячеслав уже признался, что в пузырьке он переносил дезоморфин.

– Он не наркоман, – широкими от страхами глазами таращась на Гущина, заверила Оля.

– Все так говорят.

– Но я-то это знаю! Он сам мне говорил. Славик просто балуется иногда. Ну, знаешь, стресс снять и...

– Для этого есть успокоительное. Оля, у него не просто какую-то травку нашли. Это тяжелый наркотик, который... Ты знаешь, что такое «крокодил»?

Она нахмурилась.

– Тварь, живущая в воде уже миллионы лет. Зеленая, с длинным хвостом и...

Гущин вздохнул и стал объяснять, о чем речь. Живописал состав, из-за которого эта дрянь такая токсичная и губительная для организма. Как только человек подсаживается на этот наркотик, а подсаживается он мгновенно, в организме начинаются необратимые изменения. Сначала воспаления вен и некроз тканей, из-за которых на коже возника-

ют язвы. Эти язвы не заживут и уже не пропадут, они будут лишь увеличиваться. Потом кожа начинает просто отмирать, отсоединяться от костей. Человек гниет заживо как снаружи, так и изнутри. От него даже пахнуть начинает, как от мертвеца – гниющей плотью. В дальнейшем отказывают орган за органом, ноги и руки – и...

– Судя по его язвам, он колется пару месяцев. Еще чуть-чуть – и он станет живым трупом. Оля, я видел таких. Больше двух лет они не живут. Два года, Оля, понимаешь? Ты уверена, что тебе это нужно?

Она плакала, но старалась это скрыть.

– Тебе-то какое дело.

– Да никакого. Хочешь угробить и себя заодно – вперед. Это твоя жизнь.

– Черт... А мне можно с ним увидеться?

– Чтобы что?

– Чтобы поговорить.

– Оля, – Гушин вздохнул, набираясь терпения. – Он плотно сидит на игле. Он будет говорить тебе что угодно, и ты поверишь, потому что торчки умеют быть очень убедительными. Они вынуждены, чтобы продолжать кормить эту мразь у них внутри. Если у тебя есть хоть какой-то инстинкт самосохранения, ты должна бежать подальше и никогда больше не вспоминать про своего Славу.

– Это потому, что я не согласилась встречаться с тобой, да?

Гущин подозревал, что так будет. С самого начала. Он встал со скамейки.

– Можешь думать, что хочешь. Можешь ненавидеть меня. Но если ты сейчас выкинешь этот полутруп из головы, однажды ты вспомнишь меня и скажешь спасибо за то, что я спас тебя от этого ада. Поверь, так и будет... Со Славой поговорить нельзя, он задержан. А мне пора. Удачи.

Стараясь не оглядываться и не думать об Оле, Гущин быстро прошел к отделу и скрылся за спасительными дверями.

В это время Богданова заводили совсем в другие двери, в которые он совсем не хотел входить. Это была допросная окружного УВД. По пути никто из забравших его из дома оперов не проронил ни слова, хотя Богданов пытался наладить с ними контакт, мотивируя это стандартным «мы же все свои, менты». И вот теперь комната для допросов. Внутри его ждал следователь СК. Тот самый, по делу Кузьмы.

– Вы? – изумился Богданов. – Меня ночью из кровати вытащили ради этого упыря Кузьмы? А повесткой вызвать нельзя было?

– Сядьте, гражданин, ээем, Богданов. И не нужно ломать комедию. Мы знаем, что это сделали вы.

Пылая от праведного гнева, Богданов уселся напротив следователя.

– Вы ничего не знаете. Вы просто поверили уголовнику, который, чтобы соскочить, что угодно скажет. Уголовника

отпустили, мента преследуете. Молодцы! Если это называется борьбой с коррупцией, то, вашу мать, убейте меня лучше сразу. Вместо того, чтобы как следует этого е... ного упыря Кузьму потрясти, вы...

– Потрясти? – процедил следователь. – Вот как. Как же мы, интересно, должны его потрясти, раз он мертв?

Богданов выкатил на него глаза.

– Что?

– Что?

– Кто мертв? Вы сейчас про Шарика?

– Какого, к черту, Шарика? Убийствами домашних животных Следственный комитет не занимается.

– Погодите, так кто именно мертв-то?

– Тот, кого вы убили, хотя вы и будете это отрицать. Гражданин, эээм, Каратаев, кто же еще.

Следователь замолчал, дав возможность оторопевшему от неожиданных новостей Богданову смириться с новой реальностью.

Утром Гушин пригнал машину Богданова к зданию УВД и ждал его на парковке. Богданова отпустили часов в 10. Выглядел он паршиво: помятый, благоухающими сырыми ароматами камеры, небритый, с кругами под глазами после бессонной ночи. Гушин по пути к УВД купил горячий кофе и залил его в термос, чтобы не остыл. Без кофе с утра Богданов был не в состоянии думать.

– Кузьму убили, – сообщил Богданов.

– Что? То есть... Того самого Кузьму? Черт. Когда?

– Вчера в десять вечера. Его труп нашли в подворотне. В квартале от его дома. Замучен до смерти, отрезали все пальцы, истыкали ножом, а потом натянули на голову полиэтиленовый пакет и задушили с помощью куска проволоки. Ничего не напоминает?

Гушин присвистнул.

– С каждым днем все интереснее. Вам пытались пришить?

– Они заранее пробили, что ты дежуришь. Поэтому выехали ко мне. Кололи пять часов подряд. Сначала следак, потом опера подключились. Коллеги, твою мать... С такими коллегами и враги не нужны.

– Но отпустили же.

– Потому что у меня убили. Время смерти – между 9 и 10 часами вечера. А в это время я был в отделе. Ушел

в 22.10, меня камеры на входе зафиксировали.

– Да здравствует видеонаблюдение.

– Теперь наш следак совсем не думает, что я убил Кузьму. Сейчас он уверен, что я нанял кого-то, чтобы убили Кузьму.

– Мда, – вынужден был признать Гушин. – Ситуация паршивая. Мотив-то идеальный. Убить, чтобы заявлению Кузьмы не дали ход в связи со смертью заявителя. Слушайте, может, кто-то специально под вас копает, а?

– Не говори ерунды, кому я нужен, – поморщился Богданов и уселся за руль.

В отделе их встречал озадаченный Шумелов. На Богданова он смотрел с подозрением и даже опаской.

– Мне нужно начинать беспокоиться?

– У тебя должность такая, что беспокоиться нужно всегда.

– Шарика убили, – поведал майор. – Вор в законе, твой старый приятель.

– Надо же, – Богданов даже не стал делать вид, что удивлен. – Подробности есть?

– Только то, что в сводке. Тело обнаружили в его квартире, вчера, в 18.20. Из квартиры ничего не пропало на первый взгляд, разве что деньги, потому что денег там не нашли. Причина смерти – асфиксия. Также многочисленные повреждения... Пытали, в общем, старика. А учитывая, что убили еще и твоего друга Кузьму...

– Я просто не знаю, как дальше жить, – согласился Богданов.

– ...Учитывая, что убили и Кузьму, мне интересно, что за херотень происходит? Есть мысли?

Мысли были, и Богданов в двух словах обрисовал ситуацию. Все то, что они с Гущиным обсуждали вчера.

– Мда... В общем, так, Богданов. Раз тебе теперь еще и мокруху пытаются пришить...

– Пришьют, если киллера найдут, которого я нанял. А если они его найдут, я очень удивлюсь.

– Потому что ты и его убил? – проворчал Шумелов. Перехватив недовольный взгляд опера, отмахнулся: – Короче. Учитывая, что под тебя теперь и главк, и комитет копают, сидеть тебе нужно тише воды, ниже травы. Или наоборот, ниже воды, тише травы – как правильно?

– Я понял мысль, это главное.

– Да. Хорошо. Так что сиди, никуда не рыпайся и просто лови себе спокойно карманников.

– Зачем? – угрюмо хмыкнул Богданов. – За день уже двоих щипачей порешили. Недельку подождать – и их, может, всех перебьют. Тогда мы останемся без работы, а московское метро станет самым безопасным местом на Земле.

– А потом мы отменим деньги, и настанет коммунизм, – фыркнул майор. – Знаем, проходили... Ладно, свободен. Только чтобы о каждом шаге мне докладывал, понял? Я не люблю сюрпризы.

– Не вопрос. Докладываю: сейчас я иду в оружейку и беру табельный ствол.

Шумелов помрачнел.

– И снова спрошу: мне нужно начинать беспокоиться?

Ни в какой традиционный рейд по станциям и веткам метро, отмеченным на их карте красным как зоны особой активности карманников, они не поехали. Вместо этого Богданов засел за бумаги. Он рылся в своих ящиках, доставая и перелистывая старые блокноты. Гуцин старался не мешать. Через пару часов Богданов обрadowанно воскликнул:

– Нашел!

– Что?

– Поехали.

Уже в машине Богданов решил снизойти до объяснений:

– Итак, что мы знаем. Карманник, которого мы пока называем кодовым словом Кадык, спер что-то у прыгуна. Спер что-то важное. Прыгун не хотел попадаться ментам, которые им заинтересовались в метро, и сиганул под поезд. Серега вышел на адрес, по которому звонил прыгун перед смертью. Тот, кто был на адресе, подорвал мощную бомбу, чтобы тоже не сдаваться ментам живым. Правильно я говорю?

– Кто же они такие? – гадал Гуцин, разговаривая, скорее, сам с собой. – Сектанты какие-нибудь? Диверсанты? Шпионы?

– Сообщники прыгуна теперь ищут то, что спер у прыгуна Кадык. Но они не знают, что это был именно Кадык. Поэтому они пошли по самому простому пути. Навели справки и узнали, кто в Москве наверняка знает если и не всех, то

многих карманников.

– Шарик!

– Угу. Шарик всю жизнь чистил карманы и заводил знакомства, за это и пострадал. Они резали ему пальцы до тех пор, пока он не назвал все имена. Имена щипачей, которые работают в нашей части метрополитена.

– Среди них наш старый знакомый Кузьма, – кивнул Гущин. – Все правильно.

– Элементарно, Уотсон. Кузьму тоже пытали. Наверняка спрашивали, спер ли он то, что было у прыгуна. Кузьма, конечно, ничего не брал, но ему вряд ли поверили. Они не собирались отпускать его живым. Не знаю, что у них за дело, но ставки там, походу, очень высоки.

– Это и напрягает.

– А что мы знаем про Кузьму, Антон?

– Мы знаем, что он был, честно говоря, конченная мразь и беспредельщик, раз на нас заяву написал.

– Это само собой. Что мы знаем о нем еще? – видя, что Гущин не может сообразить, Богданов ответил сам: – Мы знаем, что он часто работает в паре с Вахой. И Ваха наверняка был одним из тех, кого своим убийцам назвал Шарик перед смертью.

Проблема была в том, что у них не имелось адреса Вахи – по той простой причине, что Ваха был, как и многие карманники, приезжим и не имел в Москве ни прописки, ни постоянного адреса. Был его сотовый телефон, но еще в отделе

Богданов позвонил на него. Номер оказался заблокирован. Порывшись в памяти, Богданов вспомнил эпизод, произошедший полтора года назад, когда они – тогда еще с Курилиным – брали Ваху в ходе рейда на Калужско-Рижской ветке. И имя любовницы щипача, которая в прошлый раз вытаскивала Ваху из камеры. Именно к ней опера и направлялись.

– Вы? – затрепетала толстая мадам в застиранном халате, открыв дверь и увидев перед собой физиономию Богданова. – Что вам надо, чего вы приперлись?

– Кто там, Людочка? – донесся из глубины квартиры мужской баритон.

– Никто, Алешенька, соседка! – приторно протянула мадам, выскользнула из квартиры и зашипела: – Идите отсюда! У меня муж дома!

– Ой, как интересно, – обрадовался Богданов. – Он же у тебя вроде дальнобойщик? А когда он сваливает зарабатывать деньги для своей Людочки, Людочка пускается в пляс и отжигает с горячим джигитом Вахой?

– Чего надо?! – мадам шипела так, что летела слюна. – Идите нафиг! Он же прибьет меня, если узнает!

– А мы сразу убийство раскроем и медальку себе заработаем, – ввернул Гуцин, сообразивший, к чему клонит наставник. – Одни плюсы везде.

– А ты еще кто?

– Люда, где Ваху найти?

– Я откуда знаю?

– Если я сейчас пару раз в дверь позвоню, муж твой, наверное, выйдет? – задумался Богданов. – Посмотреть, что за соседка такая неугомонная? Вот, наверное, сюрприз мужику будет. «Людочка, – скажет он, – а это не соседка совсем, а два каких-то мужика, чего им надо от тебя?». А я скажу: «Вы понимаете, очень неудобно вышло, но нам нужен адрес ее любовника, а Люда...».

– Ладно! – дернулась мадам. – Ладно! Я скажу, только если вы сразу же свалите нахрен отсюда!

Квартира располагалась недалеко, потому что сама Люда и нашла ее. Все-таки страсть – сильная штука. Богданов и Гущин уже предвкушали разговор с Вахой.

– Придется посидеть с ним пару дней, – рассуждал Богданов. – Наши охотники на карманников действуют быстро, только за один вчерашний день двоих завалили. А Ваха однозначно в группе риска. Скоро придут и к нему, а мы будем...

– Стоп!

Они уже заезжали во двор. От выкрика Гущина Богданов дал по тормозам.

– Что?

– Синяя «Киа».

– Чего?

– Синяя «Киа»! – нетерпеливо и возбужденно прикрикнул Гущин, показывая вперед.

Синий легковой автомобиль стоял напротив подъезда Ва-

хи. В нижней части крыла машины была заметная вмятина с глубокой серой царапиной – след, оставшийся после встречи с бордюром.

– Дом Шарика. Вы когда к нему приехали, со двора выскочила эта самая тачка! Виктор, это они! И они уже здесь!

Богданов выругался сквозь зубы. Перегнувшись, распахнул бардачок и выудил оттуда пистолет, который всучил Гущину.

– Держи, это травматик. И звони в дежурку. Скажи, срочно. Здесь убийство. Происходит прямо сейчас.

Дав по газам, Богданов проехал вплотную к дому и замер у тротуара. Пока Гущин звонил в дежурную часть и торопливо и сбивчиво объяснял, что им нужно подкрепление, Богданов проверил собственный пистолет. Сейчас он благодарил бога, говорившего с ним через интуицию, за то, что тот подтолкнул его зайти в оружейку и вовремя заполучить табельный ствол.

– Готов? Пошли.

Они быстро направились к подъезду. Видя, как Гущин готовится перейти на бег и тянет руку к поясу, за ремнем которого спрятал травматический пистолет, Богданов прошипел:

– Тихо, твою мать. Мы не знаем, куда выходят окна. Они могут палить за двором.

Гущин не был готов к подобному и внутренне тихо паниковал, а внешне – просто следовал за наставником. Домофон и ключ-вездеход. Подъезд. Лифт. Третий этаж. Дверь в квар-

тиру Вахи была металлической, но старой, обитой сверху дерматином. Прокравшись к двери, опера замерли по обе стороны от нее и прислушались. Изнутри доносились звуки возни. Потом что-то упало. Снова неопределенная возня – и приглушенный душераздирающий вопль.

– Твою же...! – выдохнул Богданов и дернул на себя ручку. Дверь оказалась заперта. – Отойди!

Рывкнув, он отскочил сам, прицелился в дверной замок и трижды выстрелил. Проорал «Полиция, всем на пол!» и снова дернул дверь. Она поддалась, но с трудом – пули разрушили личинку и один из штырей ригеля, но второй уцелел и никак не хотел поддаваться.

Изнутри прогремел выстрел. Пуля застряла в двери на уровне груди, исковеркав металл и оставив снаружи шишку – словно на двери выскочил прыщ.

– Вы окружены! Стволы на землю, стреляю! – орал Богданов. Снова дернул дверь. На этот раз она поддалась. Из квартиры загрели выстрелы. Гуцин метнулся в сторону, но его зацепило – что-то огнем обожгло руку. Он зашипел, припав спиной к стене.

Богданов просунул в открытую дверь руку и пальнул, целясь вверх.

– Полиция! На пол!

Ответа не было, лишь где-то в глубине квартиры что-то грохнуло, потом раздался звон стекла.

– Гуцин, живой?

– Да...!

– Прикрывай, что встал!

Гущин здоровой, правой рукой вскинул пистолет. Богданов заглянул внутрь и, не увидев никого, прыгнул в прихожую.

Основное действие развивалось в гостиной. В ее центре на компьютерном кресле покачивался влево-вправо извивающийся от адских мук, боли и удушья Ваха. На полу под креслом в луже крови, которая все прибывала, валялись несколько похожих на миниатюрные сосиски кровавых обрубков, в которых без труда можно было признать пальцы. На голове Вахи был нахлобучен полиэтиленовый пакет, на шее тугая петля из проволоки. Ваха отчаянно, утробно мычал – это было все, на что он был способен, потому что рот ему предусмотрительно заклеили куском скотча.

По комнате гулял ветер и звуки улицы, потому что широкое окно гостиной было распахнуто. Подоконник был усыпан осколками оконного стекла.

– Пакет! – гаркнул Богданов, прыгая к окну.

Гущин, стараясь не думать о полыхавшей и стремительно немевшей левой руке, подбежал к Вахе и рывком разорвал пакет. Сдернул с лица карманника кусок скотча. Ваха, пунцовый от удушья, с глазами навыкате, захрипел, делая мощный жадный вдох.

Окно выходило во двор. Все, что успел заметить Богданов – спины двух человек, прыгающих на заднее сиденье

«Киа». В то же мгновение машина взревела и рванула с места. Богданов успел лишь вскинуть руку, но не смог даже взять уносящуюся машину на прицел, потому что она унеслась прочь и пропала из поля зрения.

Ваха хрипел и никак не мог надышаться. Он пускал пузыри и продолжал вдыхать и вдыхать спасительный кислород.

– Кто это был, Ваха? – кричал Гушин ему в лицо. – Эй, мужик, соберись! Все позади! Кто это был?

Кислород подействовал, но тут же организм Вахи напомнил о второй угрозе – о потере крови и отрезанных пальцев. Он скривился, захрипел что-то, а его глаза начали затуманиваться.

– Не отключайся! – Гушин хлопнул его по щеке. – Ваха, что им нужно было? Что они хотели от тебя?

Ваха собрал силы в кулак, как-то устало и сонно посмотрел на Гушина. Открыл рот и хрипло выдал из себя «Флэ... Флэш... ка...» – а потом уронил голову на грудь и отключился.

Двор был забит битком. Несколько экипажей ППС, фургон дежурной части из ближайшего ОВД, несколько машин оперов из местного отдела и из окружного управления. Позже подъехал фургон СК и бригада из двух криминалистов с чемоданчиками. Также на место приехали сразу два экипажа «скорой помощи». Оно и к лучшему, потому что один тут же увез истекающего кровью Ваху в больницу, а фельдшеры второго занялись рукой Гущина. Все было не так страшно, как могло показаться. Оперу повезло: пуля лишь задела мягкие ткани по касательной, поэтому о бодибилдинге Гущину какое-то время и мечтать не придется – но это было легкой потерей, так как бодибилдингом Гущин не занимался. Эскулапы руку обработали, продезинфицировали и туго перебинтовали, после чего отпустили парня с миром.

От Следственного комитета прибыл незнакомый Богданову человек, но это тут же исправили – уже через полчаса на месте перестрелки объявился и старый их знакомый.

– Опять вы? – всплеснул следователь СК руками. – Гражданин, эээм, Богданов...!

– Можете звать меня просто Богданов. Все свои.

– ...Вас изолировать нужно, честное слово!

– Да я здесь при чем? Вон, местные опера уже двух свидетелей нашли, те видели выскочивших из окна уродов.

– С ними я еще поговорю...!

– Сделайте милость.

– ...А сейчас я говорю с вами. Кто потерпевший? Это же гражданин, эээм, Хевсуридзе, правильно? Я как услышал, глазам своим не поверил! Как вы здесь оказались? Что вы скрываете?

– Ничего!

– Ой ли!

– Ваха был напарником Кузьмы, они часто работали в метро. Мы приехали к нему, потому что он может что-то знать.

Следователь прищурился:

– Я дал поручение найти его, чтобы взять показания, но он же не прописан в Москве нигде. Это съемная квартира? Как вы узнали адрес?

– Это наша работа. Мы все-таки опера угрозыска. Ну, пока нас не посадили за то, что делаем свою работу.

Следователь пропустил колкость мимо ушей.

– Дальше.

– А дальше мы решили с ним поговорить. И спасли ему жизнь.

Гущин отделался от врачей «скорой помощи» в хорошем настроении. Во-первых, он был жив. Во-вторых, он был ранен лишь слегка, и теперь этим ранением можно было козырять. «Да так, бандитской пулей зацепило», – планировал говорить Гущин. Он даже знал, каким голосом будет это проносить. Скромно и слегка небрежно. Всем своим видом

говоря – «Да, я герой, но в остальном я такой же, как и вы, простой парень».

Да, и в-третьих – фельдшер дал ему пузырек с обезболивающим, которое оказалось сильным, и после двух проглоченных таблеток Гущину заметно похорошело. В этом состоянии его и застали двое в штатском.

– Вы Гущин?

– А вы кто?

Они показали удостоверения. Скромно и слегка небрежно – тоже репетировали, что ли? – всем своим видом говоря: «Да, мы из ФСБ, так что выполняй приказы и молчи в тряпочку».

– Вы разглядели нападавших?

– Их было трое. Двое прыгнули назад, третий был за рулем. Итого три. Я правильно посчитал? Погодите. Два плюс один...

– Вы что, пьяный?

– Кто, я? Могу дыхнуть. Вот: ээаааа!

Чекисты напряглись, уворачиваясь от дыхания Гущина. Положение спас Богданов, вовремя вышедший из подъезда.

– Ему обезболивающее дали, войдите в положение.

– Вот как, – успокоились сотрудники ФСБ и переключились на Богданова. – Вы разглядели нападавших?

– Издеваетесь? Конечно, нет. Знаю только, что их было трое.

– Да-да, это мы поняли.

– Номер машины запомнили.

– Номер мы уже пробили по базе. Он поддельный. Эти номера сняли с «Шевроле» неделю назад у «Новых Черемушковых». Что-то еще можете сообщить? Потерпевший, он был еще в сознании? Успели с ним поговорить?

Богданов поколебался.

– Может быть. Но я не уверен, что вам стоит об этом рассказывать.

– Мы ведем расследование, которое касается государственной безопасности. Вы обязаны нам рассказать, если не хотите проблем.

Богданов от этих слов не стал более лояльным. Наоборот, он рассвирепел.

– Моего друга, с которым я 15 лет служил бок о бок, разорвало на мелкие куски! Я был там! А мне до сих пор ни одна собака даже не намекнула, что, вашу мать, происходит! На меня грозят завести уголовное дело, потому что я поймал карманника, а теперь ищут еще и киллера, которого я якобы нанял. Думаете, мне еще не плевать? Вешайте на меня что угодно! Но я вам хочу напомнить, что это мы вот с этим прибалдевшим от таблеток пацаном спасли сейчас жизнь человеку, а не вы! Гущин, поехали. Ты готов?

– Всегда готов!

Гущин вскинул руку в пионерском приветствии, но жест больше смахивал на что-то неприличное, поэтому Гущин растерялся и стал смотреть на свои руки.

Чекисты переглянулись. Один из них, постарше и в костюме подороже, вздохнул.

– Ладно. Как та история в метро связана с карманниками?

– А как вы здесь оказались?

Старший контрразведчик колебался, но сдался.

– Давайте присядем где-нибудь и поговорим. Тем более, вашему парню, кажется, нужен кофе. И покрепче.

В чем прелесть Москвы, так это в том, что недостатка в кофейнях здесь не наблюдается. Одно из таких заведений располагалось буквально в 100 метрах от дома Вахи. Вчетвером – норовивший отключиться Гущин, Богданов и двое сотрудников ФСБ – они заняли столик и заказали кофе. Богданов внимательно посмотрел на Гущина и попросил ему сразу две чашки. Покрепче.

– Мы выехали сразу, как узнали, что вы инициировали план «Перехват» синей «Киа» с этим номером, украденном с «Шевроле», – сообщил старший чекист.

– Что у вас есть на синюю «Киа»?

– Эта машина пару раз заезжала на тот самый адрес. Где был взрыв. Где погиб ваш коллега. Мы нашли ее на камерах наблюдения.

– Если вы расскажете, что вообще происходит, нам всем будет легче.

Сотрудник ФСБ колебался недолго.

– Хорошо. Все строго между нами, потому что... сами понимаете, в общем. Итак, у нас несколько месяцев назад по-

явилась оперативная информация. О возможной подготовке в Москве серии одновременных терактов. Планируется полномасштабная атака. Где именно, мы не знаем.

– Черт побери, – сказал мигом пришедший в себя Гуцин.

– Погибший в метро молодой человек был одним из взрывников. Он проходил подготовку в лагере боевиков. Информация по нему появилась у нас, к сожалению, совсем недавно, и мы не смогли перехватить его на въезде в город. Оставалось только искать по своим каналам.

– Один из взрывников, – повторил Богданов. – И что он должен был делать?

– В Москву их прибыло двое или трое человек, точно мы не знаем. Связник и двое взрывников. Связник держал связь между ними, руководством операцией и местной ячейкой, которая снабдила их всеми необходимыми для изготовления взрывных устройств компонентами. В задачи взрывников входило изготовление самих бомб и их закладка в определенных местах. Где именно, сколько этих мест, сколько планируется взрывов, какой мощности взрывные устройства – ничего этого мы пока не знаем.

Богданов вспомнил полуразрушенную девятиэтажку, на пятом этаже которой погиб Курилин.

– Судя по всему, мощность приличная.

– Мы тоже так думаем. И это нас беспокоит, как вы понимаете. После изготовления и закладки устройств эта группа должна была передать информацию другой группе, которая

должна прибыть в город буквально на днях.

– Исполнители?

– Пока назовем их так. Итак, мы поделились информацией. Теперь ваша очередь.

Богданов рассказал все, что знал. Про кражу некоего предмета из кармана прыгуна на платформе метро. Про последовавшие за этим два убийства карманников и еще одно покушение.

– Хм, – озадачился старший сотрудник в костюме. – И что же они ищут? Есть версии?

– Флэшку.

– Простите?

– Ваха перед тем, как отключиться, сказал «флэшку». Это все, что он сказал. Тот карманник спер у прыгуна из метро флэшку. Что было на флэшке, не знаю, но теперь начинаю подозревать.

Чекисты переглянулись, и один из них кивнул.

– Информация. С адресами, по которым они заложили взрывные устройства.

– Значит, террористы... – подал голос Гущин. – Вот черт. Я-то думал: что же это за отморозки такие, чтобы вора в законе убивать. Теперь понятно. Они играют в игры гораздо посерьезнее.

Когда Богданов и Гущин вернулись в отдел, в коридоре их встретил набыченный Шумелов.

– Разгоню всех к чертям собачьим.

– Тут такое...

– Выгоню из ментуры ссаными тряпками.

– Мы вроде как спасли...

– Под задницу мешалкой выпру.

– Да хватит уже, – разозлился Богданов. – Со следаком вроде все уладили. Даже с чекистами контакт установили. Нет проблем. Мы не просим награду за то, что спасли жизнь, и за то, что Гущина чуть не пристрелили...

– Рука болит, – ввернул Гушин и показал забинтованную рану.

– ...Но хотя бы не орать на нас – можно?

– Рапорт мне на стол. Подробный, вашу мать. Сейчас же. И для УСБ тоже, – скомандовав, Шумелов отвернулся, чтобы эффектно уйти, но вспомнил что-то еще. – Да, ответ на запрос пришел. Установили вашего карманника по фотографии.

Материал пришел в дежурку. Забрав бумаги, опера расположились у себя в кабинете и принялись изучать информацию. Карманника звали Анатолий Петрович Чебачев. Уроженец Санкт-Петербурга, 34 года. Из них пять отсидел за кражи. Еще одно задержание – и Чебачева можно будет записывать в рецидивисты.

– Карманник со стажем, – заключил Богданов, листая досье. – Смотри, первый раз он загремел за решетку за карманную кражу 12 лет назад. Отсидел два года и не попадался целых семь лет. О чем это говорит?

– Что вы быстро считаете.

– Спасибо, но это говорит нам о том, что Чебачев-Кадык – вор опытный. Питер гораздо меньше Москвы, но он там целых семь лет работал и не попадался. Неудивительно, что мы его тогда пустили. Провел, как котят.

– Почему он, интересно, из Питера свалил?

– Потому что газеты читать нужно.

– А интернет не подойдет?

– В Питере полгода назад запустили активную кампанию по борьбе с кражами на транспорте. Отдел по борьбе с карманниками усилили почти в три раза. Мы с Серегой, помню, обсуждали эту тему. Нам бы штат увеличили в три раза – мы бы из метро быстро всю дурь вымыли...

У Богданова зазвонил сотовый. Сняв трубку, он узнал голос Василича из операторской метрополитена:

– Привет, Богданов. Ты просил позвонить, когда тот человечек в метро объявится.

Богданов вскочил, как ужаленный.

– Где он?

– Прямо сейчас спускается на «Университете». Я вот смотрю на него. Проходит турникет...

Богданов замахал рукой Гущину, веля ему следовать за ним, и первым выскочил из кабинета.

– Василич, ты помнишь, что с меня бутылка? Я тебе не бутылку, а ящик поставлю! Но на время забей на все и просто побудь нашими глазами! Говори, что он делает и куда едет!

ОВД располагалось всего лишь в 50 метрах от спуска в метро. Богданов и Гущин рванули к станции что есть мочи, при этом Богданов не выпускал из рук сотовый телефон.

– Где он сейчас? Все еще на «Университете»? Что делает?

Кадык, он же Анатолий Чебачев, не делал, на первый взгляд, ничего. Он просто слонялся по платформе и вертел головой.

Богданов и Гущин перемахнули через турникеты, ткнув в лицо всплывшей из ниоткуда дородной женщине в форме сотрудника метрополитена, и скатились по лестнице на платформу. Им повезло – поезд, следующий по кольцевой к нужной им станции «Парк культуры», как раз прибыл. Богданов и Гущин запрыгнули в вагон в последний момент.

– Василич, не молчи! – молил Богданов, распуская своим

полубезумным видом пассажиров. – Василич?

– Подошел к поезду, – устало ворчал Василич, следя за картинкой на мониторе. – В город собирается. Подходит к дверям... А, нет. Не поехал. Посмотрел на часы. Газетку из пакета достал. И к другой стороне платформы пошел. Станный, скажу тебе, тип.

Когда поезд, промчавшись пару остановок, прибыл на место, Богданов и Гуцин рванули к переходу.

– Он уже сел? Сел?

– Говорю же, стоит. Высматривает что-то... Что он там высматривает, интересно? Придурок какой-то. О, поезд пришел. Идет к нему.

Тем временем на станции «Университет» Кадык действительно шел к прибывшему поезду, потому что его внимание привлекла женщина с увесистой полуоткрытой сумкой. Он уверенно шагнул за ней в вагон, а через секунду двери захлопнулись, и голос из динамиков промычал:

– ...Следующая станция – «Проспект Вернадского»...

Богданов и Гуцин заскочили в ближайший же вагон остановившегося у платформы поезда. Через мгновение он дернулся и, набирая скорость, устремился на юго-запад. Богданов на секунду опустил телефон и бросил Гуцину:

– Кадык на своем любимом маршруте. Там же, где и в прошлый раз.

– Он тогда вышел на «Юго-Западной», – вспомнил Гу-

щин. – Может, живет там где-то?

– Хрен его знает. Лишь бы не разминуться... Василич, ты на связи? Переключайся на «Вернадского» и смотри в оба!

Василич так и поступил, ворча в трубку:

– Я уже как спортивный комментатор себя чувствую. А ты знаешь, что я не люблю спортивных комментаторов?

«Проспект Вернадского». Двери вагонов распахнулись, и на платформу посыпали люди. Другие ждали своей очереди, чтобы просочиться внутрь. В этой обычной толчее Василич, щурясь, пытался разглядеть высокого горбоносого мужчину с выдающимся кадыком.

– Он не вышел. Погоди... Нет, нет, точно. Нету его. Едет дальше.

Когда поезд Кадыка тронулся, Богданов и Гушин только прибыли на «Фрунзенскую». Богданов никогда не думал, что его будет раздражать и буквально терзать жуткая медлительность поезда, причем одного, конкретного, поезда. Он матерился сквозь зубы, ожидая, когда двери захлопнутся, а потом матерился, ожидая, когда же, наконец, будет следующая станция.

Они следовали по пятам за Кадыком, и разделяли их сейчас ровно пять станций.

– «Юго-Западная», – подал голос Василич. – Он вышел. Слышишь меня? Вышел на платформу.

– Твою мать, как долго мы ползем, – простонал Богданов. – Что он делает? Стоит? Или идет?

– Стоит. Стоит себе и стоит. А теперь идет... Все, пошел к выходу в город. Быстро так пошел, будто вспомнил что-то.

Богданов обреченно поблагодарил Василича и отключился. А потом не выдержал и яростно двинул кулаком по поручню. Сразу несколько человек осуждающе и испуганно уставились на него, и Гушин был вынужден виновато улыбнуться им:

– У друга жена рожает. Волнуется.

Богданов лихорадочно соображал, что делать. Наконец сообразил и принялся названивать в дежурку:

– Алло? Это Богданов! Богданов, твою мать, оглох, что ли? Срочно свяжись с постом на «Юго-Западной». У тебя фотка Чебачева висит? Как не висит, я сам вешал! Глаза разуй! Видишь? Опиши его ребятам с «Юго-Западной». Этот чувак должен выйти в город сейчас. Пусть скажут, куда он идет, в какую сторону. Если есть кто-то в штатском, пусть проследят. Это важно! Ты тупой, что ли? Это очень важно!

«Воробьевы горы». Осталось три.

Сидящие рядом люди хранили обычное отрешенно-безучастное выражение лиц, но один из них – пожилой седовласый мужчина с печальным взглядом – продолжал коситься на Богданова. Наконец он не выдержал:

– Жена рожает от любовника, да?

Богданов посмотрел на него, как на пришельца.

– Что?

– Ну, вы его отслеживаете. Любовника. Сильно только

не убивайте. Посадят же. Найдете себе другую. Стоит оно того?

– Господи, – простонал Богданов.

Станция «Университет». Осталось две.

Богданов не выдержал и снова позвонил по телефону, чтобы узнать обстановку. Номер дежурного был занят. Богданов выругался. Пожилой человек встал, приготовившись к выходу.

Станция «Проспект Вернадского». Пожилой человек шагнул к дверям, напоследок тепло и грустно кивнув Богданову.

– Господи, – повторил Богданов и снова принялся звонить дежурному.

На следующей выходить. Гушин протиснулся к выходу, практически носом уткнувшись в дверь. Проверил травматический пистолет за поясом – все в порядке, оружие было на месте. Богданов встал рядом, спрятал телефон и коротко бросил:

– Ушел куда-то налево. Все, что сказали. Будем искать.

Станция «Юго-Западная». Богданов и Гушин выскочили из вагона и, распугивая людей на платформе, рванули к выходу на поверхность. За тот короткий срок, что они провели под землей, заметно потемнело – сгущались сумерки. Позирившись, Богданов бросил:

– Туда!

Они побежали по тротуару. Впереди была автобусная остановка. За ней тянулась уходящая вниз парковая зона,

а за вершинами деревьев виднелась очередная стройка. Куда дальше, никто из них не имел понятия.

И в этот момент они услышали выстрел. От неожиданности оба вздрогнули. Звук, эхом пронесшийся мимо, растаял в шуме улицы, но Гушин сообразил, откуда он донесся.

– Деревья!

Выхватывая оружие, они со всех ног припустили по дорожке. Деревья были все ближе. А когда первые ряды расступились, в траве Богданов и Гушин увидели полицейского в форме. Совсем молоденький парень лежал, сжимая одной рукой табельный пистолет, а вторую прижимая к животу. Ладонь была залита кровью.

– Парень, парень, мы свои! – увидев, как раненый дернул пистолетом при их появлении, заторопился Богданов. – Свои! Полиция! Куда они пошли? Туда?

Парень был на грани потери сознания. Он попробовал что-то промычать, поперхнулся, закашлялся, и его перекосило от боли. Трясущимся в руке пистолетом слабо взмахнул, указывая на тропинку, и уронил голову на траву.

– Вызывай «скорую»! – рявкнул Богданов младшему оперу и со всех ног припустил по тропинке, держа табельное оружие наизготовку на вытянутых руках.

Сразу за леском был пустырь, прилегающий к высокому забору стройки. Противников было двое. Чернявые, с крупными орлиными носами, в бейсболках, почти скрывавших лица, и черных олимпийках с капюшонами. Один что-то го-

ворил на гортанном наречии по сотовому телефону, жестикулируя второй рукой с зажатым в ней вороненым стволом, второй занимался Кадыком – швырнув его грудью в землю, заломил руки и быстро и профессионально связывал их с помощью мотка скотча. Чтобы Кадык не орал, ему в рот затолкали какую-то тряпку.

– Лапы в гору, оба! – проревел Богданов, вскидывая оружие и выходя из зарослей. – Кто дернется, стреляю!

Противники замерли, уставившись на Богданова.

– Полиция! Оглохли? Оба лапы в гору и на колени! Быстро, вашу мать!

Они колебались, буравя Богданова недобрыми взглядами, в которых была растерянность от неожиданного его появления – но не было ни малейшего страха.

А уже через секунду стало ясно, в чем дело. Они не колебались, а выжидали. Потому что где-то рядом заревел двигатель, и из-за угла стройки на пустырь вылетела, поднимая облако пыли, синяя «Киа». Автомобиль, угрожающе ревя, на полной скорости рванул прямо на Богданова.

– Стой! – завопил он, стреляя в воздух. «Киа» взревела еще громче, неумолимо приближаясь. Богданов шарахнулся назад, сообразив, что за деревьями он будет в безопасности, и на бегу открыл огонь. Четыре выстрела разнесли лобовое стекло. Которая из пуль достигла цели, Богданов не знал. Но водителя швырнуло на дверцу, забрызгав ее кровью, потом на руль, и синий ревущий автомобиль резко пошел впра-

во. Он пронесся мимо Богданова и с грохотом и скрежежом врезался в столб дерева. Сверху полетели встревоженные осенние листья.

Противники, заполучившие Кадыка, времени зря не теряли. Они выхватили оружие, и один из них, который до этого общался по телефону – наверняка с водителем «Киа» – открыл огонь. Богданов метнулся в заросли, нырнул головой вперед в спасительные кусты, перекатился в сторону и вскочил. Теперь его защищал ствол дерева. Но высунуться ему не давали – как только Богданов пытался дернуться, в ствол вгрызались, разбрасывая в стороны щепки, раскаленные капли свинца.

– Я здесь! – донесся до Богданова крик Гущина, и с другой стороны донесся другой, более низкий, характерный для табельного старого доброго Макарова, выстрел.

Гущин подоспел вовремя. Со стороны тропинки противники уже не ждали угрозы, потому что Богданов появился один, а зря. Высунувшись из-за обглоданного пулями ствола, Богданов увидел стрелка в тот момент, когда тот уронил пистолет и упал на колени.

Резиновая пуля из травматического пистолета Гущина вошла ему в горло и пробила мягкие ткани. Хватая ртом воздух, но не получая его, потому что гортань была разорвана расклеенным куском резины в клочья, черноволосый парень в бейсболке прохрипел что-то в последний раз и плюхнулся лицом в землю.

Оставшийся в живых противник сориентировался быстро. Он схватил Кадыка за волосы и рывком поднял его на ноги, прикрываясь карманником, как щитом. Во второй руке оказался пистолет, который стрелок охотно приставил к виску трясущегося от ужаса вора. И заверещал с сильным акцентом:

– Нэ падхади! Назад, да?! Отстрелю башка! Назад, оба назад, да?!

Волоча перед собой Кадыка, стрелок начал перемещаться в сторону машины. Гушин и Богданов с двух сторон осторожно, по короткому шажку, приближались, держа преступника на прицеле.

Где-то вдалеке робко проклюнулся звук сирены. За ним еще один. Богданов даже предположить не мог, что будет, когда на пустырь нагрянет кавалерия. Скорее всего, бойня, потому что этот стрелок живым сдаваться не станет. Как и прыгун. Как и тот или те, кто находился в злополучной квартире в девятиэтажке, когда туда наведалься ничего не подозревавший Курилин.

Богданов приготовился. Выдохнул, вспоминая ощущение, которое всегда испытывал на стрельбах в служебном тире.

– Эй, пацан, – прокричал он, презрительно ухмыляясь, – Осторожнее! Этот чувак обоссался! Прямо на твои ботинки!

Стрелок машинально посмотрел вниз. Ствол пистолета сменил вектор на несколько градусов. Богданов задержал дыхание и нажал на спусковой крючок.

Когда пуля вошла в щеку противника, пронзив носовую пазуху и вгрызшись в мозг, его голова машинально запрокинулась назад. Рука дернулась вверх, пальцы машинально сжались, и прогремел последний выстрел. Пуля ушла в небо. Еще до того, как в пыль шмякнулась стрелянная гильза, стрелок был мертв. И лишь потом он упал, раскинув руки, словно собирался обнять весь мир.

Богданов выдохнул и опустил оружие. После чего его закололо, и Богданов сел, чтобы не упасть от накатившей на него волны – гремучей смеси из запоздалого волнения, липкого страха и осознания того, что он только что сделал.

Гущин бросился к Кадыку. Пинком ноги на всякий случай отбросил пистолет убитого стрелка, и лишь после этого вырвал кляп изо рта карманника. Тот сделал рвотное движение, но удержался и просто закашлял.

– Где флэшка? – рявкнул Гущин.

– И вы туда же, – простонал Кадык, которого трясло от пережитого ужаса. – Господи... да что за флэшка...?

– Меньше недели назад ты тиснул у парня флэшку из кармана куртки! Где она?

Кадык поморщился, пытаясь сообразить.

– А, та штука для компьютера? Да... дома валяется... Я как бросил ее в стол, так и не вспоминал больше...

После чего Кадыка все-таки вырвало, но Гущин успел вовремя отскочить.

– ... В ходе спецоперации, в которой помимо сотрудников госбезопасности принимали участие работники полиции и подразделения специального назначения, была пресечена деятельность организованной преступной группы, совершившей ряд убийств на территории Москвы. Операция по захвату преступников была проведена несколько дней назад, но центр общественных связей ФСБ России сообщил подробности только сегодня. В частности, стало известно, что в ОПГ входили как минимум десять человек, из которых пятеро были задержаны, а остальные ликвидированы в ходе спецоперации...

Гущин смотрел новостной репортаж не в первый раз, но все равно не переставал удивляться. Вот и сейчас он щелкнул кнопкой клавиатуры, останавливая воспроизводившееся на компьютере видео, и возмущенно буркнул:

– Организованной преступной группы? Ряд убийств? И все? Ни теракта тебе в центре Москвы, ни планирующейся, блин, атаки? Просто шпану какую-то взяли, можно подумывать! Нет, что за дела?

Богданов вздохнул.

– Мне сегодня наши друзья звонили.

– У нас есть друзья?

– Ну, типа друзья. Чекисты.

– Что говорят?

– Семь адресов. На флэшке были семь адресов. Все в непосредственной близости от метро. Везде одно и то же – мощные взрывные устройства и детонаторы в виде мобильных. Все запрограммированы на прием звонка только с одного единственного номера. Ну, чтобы кто-то случайно не позвонил, и не рвануло раньше времени.

– Жесть.

– Бомбы были заложены не в квартирах, а в подвалах. Около газовых труб. Чтобы вызвать максимальные, мать его, повреждения.

– Это... – Гушин подумал, какой бы эпитет применить, но не нашел ничего лучше, поэтому повторил: – ...Жесть.

– Это еще не жесть, Антон. Там же были схемы станций метро, около которых эти адреса находились. Семь станций. Где они их раздобыли – черт его знает. Там были указаны места для закладки. Понимаешь, о чем я?

– Они... Они и в метро хотели...?

Богданов кивнул.

– И под землей, и сверху. Движение метрополитена парализуется, паника, давка, люди кое-как спасаются и выбегают на поверхность – а потом бац... И вторая серия. Я даже представить не могу, какой это был бы тотальный п...ц.

Гушин тоже не мог представить. Попытался, но понял, что лучше не стоит этого делать. Ему здесь, в метро, еще работать. Если не уволят.

– А кто они хоть были? Откуда?

– Ближний Восток. Некоторые из Сирии, остальные из Ирака. Понимаешь, откуда ноги растут?

– Не совсем.

– Ну, тогда и не забивай голову. Но это, парень, могла быть самая чудовищная террористическая атака на наш город из всех, что мы видели.

Гущин выдохнул. В случае, если бы по телевизору сказали все, как было – атака предотвращена благодаря двум оперативникам полиции столичного метрополитена – он мог бы теперь до конца жизни хвалиться: «Да, я тот самый, кто всех вас спас». Небрежно, конечно, такие вещи нужно говорить слегка небрежно. Как бы имея в виду: «Ну что вы, я, в сущности, такой же, как и вы, простой парень...».

– Почему они не говорят-то ничего? – отмахнувшись от глупых фантазий, спросил Гущин.

– А ты догадайся. Во-первых, кому паника в городе нужна? Когда-нибудь скажут, конечно, только вообще без деталей. Сухую цифру назовут – и все.

– А во-вторых?

– Что во-вторых?

– Вы сказали – «во-первых».

– Разве?

– Я точно помню!

– Голова не соображает после этих долбанных допросов...

А, ну да, во-вторых. Они там пытаются на организаторов

выйти. Вторую группу, которая в город прибыла, вроде задержали. Работают с ними. А уж наработают что-нибудь или нет, мы с тобой этого не узнаем никогда. Знаешь, почему?

– Потому что наша задача карманников ловить и не вые... ваться.

– В точку, – Богданов зевнул и посмотрел на часы. – Восемь часов уже... Нет желания по пивку пропустить?

Гущин поколебался, чувствуя всю ответственность момента. С тех пор, как погиб Курилин, Богданов ни разу не перешагивал порог их любимого бара. Сейчас, значит, решился. Значит, жизнь возвращается в свое русло. Уже хорошо.

– Почему бы нет. Только недолго. Нам же завтра опять на допрос в комитет мотаться. Если бы я знал, сколько нас дрючить будут за каждый сделанный из пистолета выстрел, ходил бы с рогаткой.

Богданов хмыкнул.

– А ты, думаешь, почему я травматик купил? Чтобы с этими бюрократами никогда не связываться.

Они вышли из здания ОВД. Вывеска любимого бара горела приветливым огнем через дорогу от отделения полиции. А на ее фоне вдруг возник знакомый девичий силуэт. Гущин не без удивления узнал в нем Олю.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – Гущин был растерян. – Ты... Ты к следователю? По делу своего... ну, парня? Его вроде в другой отдел передали.

– Вообще-то я к тебе.

Оля покосилась на Богданова. Гушин тоже. Богданов понимающе хмыкнул и направился к бару в одиночку. Гушин догонит.

Войдя в знакомое помещение, Богданов вспомнил, что в последний раз был здесь... Да, в тот самый день. За 15 часов до смерти друга, с которым они работали ноздря в ноздрию долгих 15 лет. Магия чисел, не иначе.

Заказав пива, Богданов пристроился за столиком у окна. Он видел, как Гушин и Оля разговаривают. Несколько раз официантка клала руку ему на грудь. И очень часто улыбалась. Улыбка была почему-то виноватой, словно Оля нашкодила, но чертовски милой. Потом Гушин достал сотовый и стал тыкать кнопки, а Оля открывала рот. Напоследок девушка обхватила своими пальцами его, сказала что-то и пошла прочь.

Гушин дважды обернулся перед тем, как добратсья до бара.

– Она здесь что, больше не работает?

– Уволилась, еще неделю назад. Говорит, шла мимо, и...

– Ну ты и придурок, Антоха, – покачал головой Богданов.

– Что? – парень растерялся. – Почему? Что не так?

– Иди за ней.

– Чего?

– Я говорю, возьми свои тупые ноги в свои тупые руки и просто иди за ней. Прямо сейчас.

До Гущина доходило медленно. Но все же дошло.

– Хм. Ну да, наверное, так правильно будет... Черт. А вы?

– Да вали ты уже, – разозлился Богданов.

Гущин кивнул и испарился. Через окно Богданов видел, как его молодой напарник скакал, перебегая оживленную улицу, и одновременно звонил по сотовому телефону.

Богданов выпил одну кружку, исключительно в дань памяти былым временам, когда они сидели здесь вдвоем с Курилиным, а позже, когда присоединился новичок, втроем, и просто коротали время. Устраивали себе небольшую подзарядку между ежедневной рутинной работы в подземке.

Он вспомнил Курилина и его жену, которую видел лишь пару раз. Ничего путного из брака у покойного друга так и не вышло. Зато сейчас где-то на юге России живет девушка, продолжавшая род Курилина, потому что в ее жилах течет его, отцовская, кровь. Потом Богданов подумал о Гущине и невольно усмехнулся. Он надеялся, у парня все будет хорошо. Парень, конечно, придурок, но со временем что-то из него вполне могло получиться.

Непонятым оставалось только одно. Что получилось из самого Богданова.

У двери Полины он стоял через сорок минут. По пути к ней Богданов много думал. Репетировал слова, которые скажет ей. Он собирался продолжить разговор, который оказался у них последним. Полина была неглупой женщиной, а еще ему с ней было спокойно. Возможно, это и есть то,

к чему нужно стремиться в его возрасте?

Полина открыла дверь с улыбкой на лице, но улыбка стерлась, когда она узнала Богданова.

– Ой, – растерянно сказала Полина.

– Извини, что я без звонка. Я тут просто... Ну, понимаешь... Я долго думал над тем, что ты мне тогда сказала. И я, наверное, мог бы попробовать... Ну, если ты не против...

– Вить, – сказала Полина, и это звучало так, словно она хотела сказать нечто вроде «Пожалуйста, замолчи». Богданов замолчал. Тогда Полина повторила: – Вить... Я думала, ты... пропал. Совсем. Я не одна сейчас. У меня... ну, мужчина. Понимаешь?

– Черт, – отозвался Богданов. – Неловко получилось.

– Наверное. Ты это... Прости меня.

– А говорила, что у тебя нет шансов, – Богданов улыбнулся и, повинувшись секундному порыву, поцеловал Полину в щеку. – Удачи тебе. Искренне.

Хорошо хоть, цветы не купил.

Зато по дороге домой купил пива. Расположившись на своем продавленном диванчике, Богданов приглушил свет и взял в руки гитару. Он забренчал – осторожно, перебирая струны кончиками пальцев – одну из любимых рок-н-рольных песен юности. Ушедшего времени, когда все было понятно, легко и просто. Позади были лишь мечты, а впереди – вся жизнь.

Золото рейха

Пролог

Шторм на скалистое побережье налетел стремительно, за считанные минуты.

Волны, ревя и пенясь, налетали на холодные острые скалы. Где-то вдалеке верещали чайки – их пронзительные крики пробивались сквозь рокот волн. Ночное небо было затянуто тучами, лишь иногда где-то далеко на западе сквозь черную пелену тоскливо пробивался, чтобы снова исчезнуть, еле заметный лик луны.

Отряд пробирался по узкой извилистой прогалине вдоль груды валунов. Дул и свистел пронизывающий ветер, и все бойцы кутались в шинели и придерживали фуражки, чтобы их не сорвал порыв ветра с моря. Под сапогами тихонько похрустывали камни. Семь вооруженных человек двигались змейкой, один за другим, пригибаясь и стараясь производить как можно меньше шума, хотя благодаря шторму они почти не рисковали быть застигнутыми врасплох.

Задача была другая. Застигнуть врасплох должны были они.

Щербаков, крепко сжимая винтовку в потных от напряжения руках, следовал за Прогалиным. Серая и сутулая спина

лейтенанта маячила перед глазами, указывая дорогу в этой крошечной тьме среди прибрежных скал. Вот Прогалин остановился, и за его плечом Щербаков разглядел лицо капитана.

– Прогалин, – тихо скомандовал капитан и кивнул вперед.

Лейтенант пригнулся еще ниже, скрючившись почти вдвое, и исчез впереди, за очередным серым валуном. Щербаков шагнул на его место, а сзади его подпирали остальные члены отряда – боец чувствовал их спиной.

Они были в паре десятков метров от обрыва высокой скалы, за которым бушевало море, но редкие капли морской воды долетали и до их убежища. Капитан быстро посмотрел на часы, шурясь, чтобы разглядеть стрелки на внушительном циферблате.

Часы были наградными. О командире Щербаков знал немного, но то, что знал, вселяло уверенность, что за капитаном было, как за каменной стеной. Фронтовой разведчик, дошедший до Берлина, а после разгрома фашистов еще три года выполнявший специальные поручения на Дальнем Востоке, говорить о которых было запрещено – поручения были совершенно секретными.

– Десять, – проговорил, как прорычал, командир. Он обратил волевое, обрамленное резкими морщинами, лицо к бойцам, и Щербаков невольно приподнял ствол винтовки и стиснул челюсти, чуть выдвинув нижнюю вперед – чтобы выглядеть решительнее. Чтобы, как командир.

Еле слышно – на скалы обрушилась очередная череда ревущих волн – зашуршали камешки, и Прогалин вернулся.

– Они там, – еле слышно выдохнул он, обращаясь к капитану. – Сколько, не знаю. Я увидел троих.

– Вооружены?

– Если только пистолеты. Больше ничего не видно. Товарищ капитан... у них эти, костюмы. Водолазные. И баллоны.

Капитан нахмурился, что-то обдумывая, и кивнул.

– Так, – он обратился к бойцам. Командир шептал, но его решительный голос в ушах Щербакова звенел набатом. – Никому не дрейфить. Это враги. Диверсанты. А мы бойцы НКВД. И сейчас мы здесь защищаем Родину. Всем ясно?

Капитан-фронтовик всегда говорил «НКВД», хотя сейчас их ведомство именовалось совсем иначе – министерство государственной безопасности (МГБ).

Все закивали, выдавливая из себя тихое, но решительное «Так точно». Щербаков поступил, как и все остальные. А в его ушах прозвенело: «Диверсанты».

Неужели самые настоящие диверсанты? Здесь? Откуда?!

– Щербаков, Махеев, оставайтесь со мной, – бросил капитан. – Прогалин, я захожу с правого фланга. Ты забирай остальных и заходи с тыла. Вам пять минут, чтобы занять позицию. Хватит?

– Так точно, товарищ капи...

– Выполнять, – перебил, как отрезал, капитан и выудил из кобуры табельный вороненый ТТ.

Прогалин кивнул троим бойцам, первым устремляясь назад. Через несколько мгновений их спины исчезли за валунами.

Щербаков представил, как сейчас волнуется мать. Два часа назад он собирался уходить со службы, но потом в отделе зазвонил телефон. Нервничавший и пыхтевший трубкой капитан ждал этого звонка. Он говорил отрывисто, резко и односложно, и понять что-либо было нельзя. После чего командир приказал всем оставаться на своих местах, никому не уходить домой, а сам исчез. Что происходило, никто не понимал. Но час назад капитан вернулся и велел всем вооружиться для ответственного спецзадания.

Если бы мать слышала это – полезла бы к Щербакову, чтобы перекрестить его. Она норовила поступить так каждое утро, когда он уходил на службу, а Щербаков каждое утро осаживал ее резким: «Мама!». Возможно, дело было в научном коммунизме, лекции по которому им читали в красном уголке и на партсобраниях. А может быть – в отце, которого мать точно так же осенила крестным знаменiem, когда он уходил на фронт и когда Щербаков, тогда 8-летний пацан, и его брат Вася видели родителя в последний раз.

Щербакову хотелось курить. Он покосился на Махеева. Бледный, с деланно суровым взглядом, младший лейтенант держал в руках ППШ с круглым барабаном. Точно такой же пистолет-пулемет был и в отряде Прогалина. Остальные пять бойцов были вооружены винтовками. Лейтенант Прогалин

и командир – табельными пистолетами. Итого семь стволов против троих злодеев, которых капитан решительно и категорически назвал диверсантами.

Война закончилась семь лет назад – какие диверсанты могли что-то забыть здесь, на берегу, среди скал, вдали от воинских частей, секретных объектов и даже просто населенных пунктов?

Командир снова прищурился и посмотрел на часы.

– Пора, – он поднял глаза на Махеева и на него, Щербакова. – В случае сопротивления огонь на поражение. Всем ясно?

Щербаков не знал, ясно ли Махееву, но сам резко дернул головой: «Так точно». А ладони, сжимавшие винтовку, предательски похолодели.

Командир выдвинулся первым. Он крался вперед и вверх, в гору. А потом впереди показался огромный, размером с автомобиль, валун. За ним открывался склон горы на прибрежном мысе.

Щербаков двигался, стараясь не дышать от напряжения и волнения, и первым услышал их. Возня, тяжёлый стук чего-то о камни, приглушенные голоса. От изумления Щербаков замер. Это был немецкий!

– Pass auf, du idiot! – прорычал голос. – Verlier Sie nicht!

Ему вторил второй, оправдываясь:

– Schwer!

Командир обернулся на бойцов и выпалил:

– Начали!

В этот самый момент загрохотали выстрелы. Щербаков вздрогнул, инстинктивно припадая вниз. По характерному клекоту он узнал звук ППШ. Посреди очереди прогремел винтовочный выстрел, а за ним – далекий истошный крик.

Матерясь сквозь зубы, командир рванул вперед. Капитан вскинул вороненый ствол ТТ и зычно проорал, перекрикивая шум беснующихся и атакующих берег морских волн:

– Hände hoch! Waffe auf den Boden! Schnell!

Щербаков едва не споткнулся, выбегая следом. Выход на склон горы был узким, и Махеев задел его прикладом ППШ, вскидывая автомат. Щербаков отчаянно пытался сориентироваться.

В десятке метров от отряда, около груды камней и валунов, виднелись трое. Черные гидрокостюмы, мокрые и лоснящиеся. Двое из них громоздили на спину тяжелые рюкзаки, по цвету почти сливавшиеся с окружающим фоном. Все трое стояли, присев и замерев. С плеча одного из них слетел рюкзак и обрушился на камни, глухо, но громко стукнув.

Склон горы уходил вверх, слева обрываясь перед бушующей и черной прорвой моря, а справа теряясь за валунами и кустарником. И где-то там загрохотали винтовочные выстрелы.

– Hände hoch! – орал командир, решительно шагая вперед. Он вскинул руку вверх и пальнул в небо предупредительным выстрелом. – Ihr seid umzingelt!

В тот же миг командира отбросило назад. Порыв ветра подхватил слетевшую с головы капитана фуражку и унес в темноту. Командир рухнул. Широкими от ужаса глазами скользнув по его лицу, Щербаков увидел лишь черное влажное месиво вместо правого глаза капитана.

– Аaaa! – истошно взвыл Махеев, и ППШ в его руках заурчал, выплевывая огнем.

Автоматной очередью прошило двоих в черных гидрокостюмах. Третий оказался проворнее. Скинув тяжеленный рюкзак с плеча, он прыгнул за валуны.

Щербаков вздрогнул и рванул вперед.

– На землю! – надрывая горло, закричал он, бросаясь к валунам. – Hände hoch, ich werde Schießen!

Где-то впереди, на скале, что-то коротко, но ярко моргнуло. Никакого звука при этом не было, но Щербаков понял все. Вскинул винтовку, выстрелил наугад вверх и заорал, оборачиваясь к Махееву:

– Снайпер! Там снайпер!

Махеев сползал вниз по скале, запрокинув голову набок. На его серой шинели расплывалась черная клякса. Пистолет-пулемет, стуча и подпрыгивая на камнях, катился вниз по склону – к обрыву, за которым бушевала и бурлила неистовая стихия.

Невольно вскричав, Щербаков прыгнул за ближайший камень и скрючился за ним в три погибели, укрываясь от огня со скалы. И вовремя – он услышал, как пуля щелкнула и вы-

секла искру о кромку камня в метре от его лица.

Задыхаясь собственным лихорадочным дыханием, Щербаков передернул затвор и попытался сориентироваться. Впереди темными пятнами лежали бездыханные трупы Махеева и капитана, полы шинелей которых трепал безжалостный ветер. Но двоих диверсантов тоже нет. Третий спрятался за камнем.

А еще был снайпер.

Где-то совсем рядом начали стрелять. Невольно вжавшись спиной в камень, Щербаков выглянул. Со стороны кустарников бежал, хромя и держась левой рукой за бок, Прогагин. ТТ в его руке дергался вверх, изрыгая огонь. Он стрелял в сторону моря. В третьего диверсанта!

Щербаков выпрыгнул из-за укрытия и рванул туда же. Порыв ветра снес фуражку с его головы, но теперь все это было неважно. Впереди он заметил черный силуэт с поднятой рукой. Диверсант в черном гидрокостюме отстреливался от раненого лейтенанта и пятился назад, к обрыву.

Щербаков вскинул винтовку. Диверсант боковым зрением заметил его, но было поздно. Щербаков нажал на спусковой крючок и неистово зарычал от злорадства и ярости, когда увидел дернувшийся силуэт. Диверсант в черном рухнул на камни, перекатился через собственное плечо и затих.

Укрытие! Валун, за которым прятался враг, был совсем рядом! Шесть метров, пять метров, четыре...

Болью пронзило грудь, и Щербаков рухнул оземь. Камни

пропорол лицо и, кажется, сломали нос. Грудь с левой стороны пылала огнем. Понимая, что ранен снайпером, Щербаков завалился на правый бок и пополз вперед, к спасительному валуну, суча ногами и сдирая ногти об острые камни. Кровь заливала глаза. Щербаков вытер лицо о плечо шинели. Вот оно, укрытие! Три метра, два с половиной метра...

Очередная пуля пронзила его шею с правой стороны, пропорла горло и замерла где-то в районе левой ключицы. Дышать Щербаков не мог. Его сковала горячая боль, словно кто-то заливал раскаленный металл в его гортань. В глазах взорвалась карусель. Вспомнилась мать. Как бы сейчас Щербаков хотел, чтобы она перекрестила его этим вечером...

Щербаков уронил голову на острые камни. Сквозь скачущие перед глазами пятна он увидел в нескольких метрах от себя Прогалина. Тот упал на колени, схватившись за плечо. Очередная пуля снайпера вошла ему в висок, и Прогалин рухнул на камни.

– Schlecht, – бормотал человек.

Его задачей было прикрывать группу. И сейчас он понимал, что плохо справился с поставленной задачей.

Четверку, заходящую его людям с тыла, он заметил слишком поздно. Проклятые камни и валуны. Раций у человека и его группы не было, и все, что мог сделать человек – открыть огонь. Первым делом снял солдата с винтовкой, который был самой легкой мишенью. Затем настала очередь автоматчика и третьего солдата. Офицер оказался более опыт-

ным. А потом с другой стороны появились, как снег на голову, еще трое. Человек ничего не мог сделать – он видел, как двух его соратников расстреляли из автомата прежде, чем человек успел снять цель.

– Schlecht... – продолжал бормотать человек. – Verdammt, das ist sehr schlecht...

Он быстро спускался со скалы, стараясь не упасть. Здесь шквальный штормовой ветер ощущался особенно сильно. Держа снайперскую винтовку наизготовку, человек непрерывно озирался по сторонам, пытаясь выискать возможную угрозу среди разбросанных под скалой валунов и камней. Но никого не было. Только трупы, усеивавшие весь склон.

– Beschießen, – сокрушался человек.

Все его люди – все трое – действительно были мертвы. Чертыхаясь сквозь зубы, человек оглянулся по сторонам. Два рюкзака, наполненные грузом, были здесь. Человек подхватил один из них и с трудом поднял. Нет, это исключено. Унести оба он совершенно не в состоянии.

Кто-то рядом захрипел. Человек напрягся, инстинктивно вскинув оружие. Звук раздавался совсем рядом, иначе из-за ветра и шторма человек просто ничего бы не услышал. Готовый выстрелить, он медленно обошел валун.

Хрипел солдат, которого он снял последним. Солдат уже умирал, у него не было никаких шансов, человек последним выстрелом попал ему в шею и разрушил горло, гортань и дыхательные пути, которые сейчас стремительно заполнялись

хлещущей алой кровью. Солдат был совсем молоденьким, лет 20 с небольшим. Он агонизировал, суча ногами в грубых советских сапогах.

Человек мог ничего не делать. Но он все же выудил пистолет из кобуры, закрепленной на поясе, и прекратил его мучения выстрелом в затылок.

– Blöden Schweine, – покачал человек головой.

А теперь нужно было действовать, пока не поздно.

Человек выбрал рюкзак, который был полегче. От второго было необходимо избавиться. Нельзя, чтобы эти унтерменши нашли его – тогда вся миссия полетит ко всем чертям. Нельзя, чтобы они нашли ничего.

Человек оттащил второй, более тяжелый рюкзак, к краю скалы. Не без труда приподнял, чувствуя, как напрягаются все мышцы его тела. Здесь было более 80 килограммов. Кое-как размахнувшись, человек запустил его вниз.

Очередная ревущая волна, налетая на берег, проглотила рюкзак, после чего со всей мощью напрыгнула на скалу, разбрасывая во все стороны холодные брызги. Человек выругался. Сейчас он мог молиться лишь о том, чтобы ничего из содержимого рюкзака не застряло на камнях скалы из-за чертовой волны.

Вслед за рюкзаком с обрыва полетели его люди. Точнее, то, что осталось после них. Человек подтаскивал каждого к краю скалы и сбрасывал вниз. Остальное сделает вода. Даже если тела его людей разобьются о камни, шторм смое

и внутренности, и кровь. Море сделает все, что нужно.

Человек забросил в воду и оружие своих соратников, два кислородных баллона и бухты каната, благодаря которым им удалось спуститься вниз. Свою винтовку он также бросил туда же, в море, схватив за ствол и зашвырнув, что было сил, в скачущую черноту внизу.

Время неслось стремительно. Сверившись с часами, человек понял, что прошло целых 10 минут. Драгоценных 10 минут.

Человек подхватил рюкзак, с трудом натянул его на плечи. Груз был такой тяжелый, что лямки рюкзака до крови резали кожу. Чертыхаясь себе под нос, человек напоследок осмотрел поле сражения – и бросился бежать. Бежать к одному ему известной тропинке, где его ждал автомобиль с надежным человеком, который доставит его в точку эвакуации.

А потом, когда человек вернется домой и даст отчет, командиры примутся решать самое сложное. Как быть дальше.

Часть 1

Глава первая

– Вот он, тот самый акваланг, который все мы сегодня будем покорять, – торжественно объявил Ильин, дергая баллон с компенсатором за вентиль и устанавливая его стоймя. – Теперь переходим непосредственно к инструктажу. Слушаем меня внимательно, чтобы под водой потом проблем не возникло, хорошо?

Их было четверо. Глава семейства – безобразно толстый боров с плоской глупой физиономией. Он был настолько огромен, что заполнял собой половину пространства на тесном пятачке кокпита в кормовой части «Бланко». Рядом на продавленном сиденье банки ютились его сильно пережатая супруга с большими и чуть испуганными глазами и восторженный сын-подросток.

– Хорошо! – с выражением неопишуемого счастья на лице отозвался сын.

Четвертой была блондинка. Ее на борт завербовал Рябко – они уже отчаливали от набережной с тремя пассажирами, когда несостоявшийся ловелас приметил прогуливавшуюся в одиночестве симпатичную девушку и предложил ей понырять с аквалангом. Весь путь до точки Рябко вился ужом

вокруг нее. Вот и сейчас он норовил встать как-нибудь по-эффектнее – например, взгромоздив ногу на релинги и скрестив руки на груди. Изображал из себя заправского морского волка.

– Как видите, тут всякие разные шланги, трубочки, кнопочки, – продолжал Ильин, заглядывая клиентам в глаза и пытаясь убедиться, что его, кроме восторженного пацана, кто-то слушает. – Но вы не заморачивайтесь. Как все это работает, вам знать не обязательно. Вы сюда на самолете летели, угадал? Но вы ведь точно не знаете, как там, в этих самолетах, все устроено? Главное, что работает! Точно я говорю?

– Аллилуйя, брат, – вальяжно отозвался Рябко.

Боров решил подать голос:

– Я вообще-то летчик.

– Дима! – почему-то испуганно цыкнула на него пережатая жена.

Ильин вздохнул и взялся за легочный автомат.

– Вот эта штука, все время должна у нас находиться справа. Мы будем называть ее регулятором...

– Дышалка, – с умным видом ввернул боров.

«Что ж тебе в небе-то не летается», – подумал Ильин, а вслух сказал:

– Вот здесь мы ее плотно обхватываем губами. Не здесь, а вот здесь. Сильно кусать не нужно, потому что потом у вас челюсть будет сильно болеть. Держите регулятор вот таким вот образом.

Ильин показал, как это делается. Все начали повторять, возясь с выданным им оборудованием. Рябко бросился к блондинке, чтобы помочь. Она старательно запихнула загубник в рот. Потом смущенно покосилась на Рябко, а тот выдал «Шикарно!» и заухмылялся.

Они были два сапога пара. Ильину захотелось швырнуть 15-килограммовый баллон в черепушку напарнику.

– Три правила дыхания, – Ильин старался, чтобы его голос звучал бодро и задорно. – Мы дышим постоянно, медленно и глубоко. Никогда не задерживаем дыхание. Это важно. Запомнили? Хорошо, поехали дальше. Слева у нас есть вот такая трубка с консолью на конце. Тут две кнопочки. Для чего они? Смотрите.

Ильин нажал подачу воздуха, и жилет компенсатора на глазах распух, как аллергик после укуса пчелы. Подросток принялся ахать от восторга. Боров фыркнул так, словно всю сознательную он жизнь занимался исключительно этим и ничем больше.

Ильин хранил спокойствие. Скоро погружение. А там будет видно, кто чего стоит на самом деле.

Он рассказал, как вести себя при погружении и как – при всплытии. Как держать руку, чтобы не пережать шланг с кислородом. Как пользоваться манометром. Рассказал все про основные жесты, принятые под водой, и что они означают. Показал, как правильно надевать маску. Показал на себе, как избавиться от просочившейся под маску воды. В очередной

раз напомнил, почему при дыхании под водой нужно практически забыть о существовании носа. Рассказал про давление и продемонстрировал, как нужно стравливать его, чтобы уши при погружении отложило.

– Сейчас мы опустимся на глубину пять метров...

– Пфф, – снова фыркнул летчик и почесал свое выдающееся пузо. – Может, с десяточку хотя бы?

– ...И как только опустимся на дно, – Ильин был сама дипломатичность, – я покажу вот так, – костяшками указательного и среднего пальцев Ильин несколько раз ткнул себя в открытую левую ладонь. – Тогда мы с вами встаем на колени и проводим пару упражнений. Это то, что должен уметь даже начинающий дайвер. Первое: вытаскиваем регулятор изо рта, а потом вставляем снова.

Пережаренная на солнце жена борова испугалась:

– Там же вода!

– Не было бы воды, это бы не называлось упражнением. Дыхание – помните? – не задерживаем, потому что мы никогда не делаем этого под водой. Медленно выдыхаем через рот. И вставляем регулятор снова. Не надо пытаться втиснуть его сквозь зажатые зубы – как девушка мудро заметила, – жена летчика при этом зарделась, – там вообще везде вода, и она все равно затечет, как ни старайся. Поэтому: подносим регулятор, спокойно открываем рот и вставляем его. А потом резко, как я уже показывал, выдыхаем остаток воздуха и тем самым прочищаем регулятор и освобождаем

и его, и свой рот от воды. С этим все понятно?

Боров снисходительно покачал головой. Остальные закивали. Рябко подмигнул блондинке. Блондинка отвернулась. Ильин позлорадствовал.

– Теперь упражнение два. Прочищаем маску. И для этого мы подпустим в нее чуть-чуть воды...

Пережаренная на солнце жена борова снова ахнула:

– Там же вода!

– И опять в самую точку. Не надо сдирать маску. Мы поднимаем ее чуть-чуть, самую малость, вот так, – Ильин продемонстрировал на себе и попросил остальных повторить. Боров закатил глаза и снизошел. Остальные просто повторили. – Итак, у нас в маске вода. Что мы делаем? Мы рукой придерживаем маску вот тут, у переносицы, чтобы она не слетела. А потом делаем обычный вдох, но выдыхаем носом. Он заполняет пространство в маске и выталкивает из нее всю воду. Как видите, это очень просто.

– Давайте уже в воду, – боров нетерпеливо почесал пузо. – Жрать уже охота, а мы еще не ныряли.

Блондинка покосилась на Рябко. Тот одарил ее взглядом мачо и подмигнул.

Воздух раскалился как следует, а солнце палило нещадно даже сквозь натянутый над кокпитом, и Ильин с огромным облегчением погрузился в воду. Проследил, как входят остальные. Боров шмякнулся, как здание во время сноса, залив брызгами половину кормы «Бланко». Последним катер

покинул Рябко.

Здесь, в полусотне метров от заповедных скал, вода была кристально чистой, почти бирюзовой. Под водой ныряльщиков встретила стайка барабулек, что привело всех – кроме борова – в лютый восторг.

Постепенно стравливая давление, вся группа опустилась вниз. Они брыкали ногами, словно искали лестницу, либо «крутили велосипед», напоминая перепуганных морских коньков. Но в остальном путь до дна прошел хорошо. Рябко вился вокруг блондинки, постоянно вопросительно сигналижая ей: «Все ОК?». Та отвечала, но нужды в этом не было: девушка двигалась так, что было ясно – под водой она не впервые. Глаза подростка полыхали от восторга даже сквозь маску. Пережаренная жена летчика сияла и постоянно хватала сына за руку, чтобы показать ему рыбку, камешек или ракушку. А вот боров выпучил стеклянные глаза и вообще выглядел так, словно его хорошенько ударили под дых.

Ильин первым коснулся коленями мелкой гальки дна и проследил за остальными. Все прошло на отлично. Жестами он показал, что пора переходить к упражнениям. Это было самое важное и самое волшебное. Как только четверка освоит, что бояться не стоит не только попадания воды внутрь маски, но и отсутствия постоянной подачи воздуха, жизнь наверняка заиграет для них новыми красками.

Но только не для летчика.

Он перепутал совершенно все. Вытащив изо рта регуля-

тор, наглотался воды и запаниковал. Засовывая регулятор, наглотался еще больше и засучил лапами по дну, разбрасывая камешки в стороны и вздымая ил со дна. Лихорадочно освобождая рот от воды, что есть силы выдохнул – но через нос, отчего его маска дернулась и соскочила на лоб.

Ильин уже неся к нему и даже умудрился ухватить бороду за одну из петель компенсатора, когда тот, отчаянно барахтаясь, выдувая тучи кислородных пузырей и поднимая теперь уже тучи ила со дна, нажал на кнопку подачи воздуха в компенсатор. Надулся колом и пулей рванул вверх.

– Какого черта? – заорал на него Ильин, вынырнув на поверхность и вырвав изо рта кислородный регулятор. – Вы что творите?

Летчик, широко разинув рот, хрипел, фыркал, барахтался, безостановочно тер мокрые глаза – и жадно дышал.

– Я... – хрипло выдавил он. – Я... Растерялся...

– Вы инструктаж вообще не слушали?!

Боров отплевался, отдышался, исподлобья наградил Ильина трагическим взглядом, преисполненным горькой обиды, и пробормотал:

– Я хочу домой.

– Простите?

Всю дорогу назад гости «Бланко» – семейство летчи-

ка и светловолосая девушка – уплетали шашлык, который Ильин захватил в кафе Арсена перед отплытием и сейчас разогрел в микроволновке. Боров после подводного казуса старался не встречаться взглядом с Ильиным и Рябко – ему было стыдно. Рябко же сник, потому как блондинка так ни разу за всю их почти 4-часовую вылазку не проявила к нему никакого интереса. Оба события давали повод Ильину тайно злорадствовать. Но, чтобы не мельтешить перед клиентами – все-таки именно они приносили Ильину средства к существованию – он спустился в свою, единственную на катере, каюту. И вот сейчас в двери каюты со словом «Простите?» возникла блондинка.

Она с любопытством окинула быстрым взглядом крохотное помещение. Справа спальное место и столик, заваленный всякой всячиной. Слева камбуз – электроплитка, холодильник и миниатюрный стол для готовки. Почему-то ее глаза остановились на бутылке пива в руке Ильина. Бровь блондинки вздернулась вверх.

– Вам разве можно?

– У меня есть трезвый водитель, – Ильин кивнул наверх. – Тот тощий юнга, у которого сегодня весь день что-то с правым глазом. Тик, наверное.

Блондинка понимающе улыбнулась.

– Не угостите?

– А что, с остальными не сидится?

– Знаете, сидится. Только как-то не очень.

Ильин рассмеялся. Открыл карликовый холодильник, выудил последнюю бутылку пива и вручил девушке. Она тем временем наткнулась взглядом на картинку, приколотую к переборке над столом.

– Что это?

– Совсем ничего.

– Ооо, – блондинка понимающе улыбнулась. – Так вы из этих?

– Из кого это – из этих?

– Из тех, кто мечтает найти на дне несметные сокровища и безумно разбогатеть в один миг?

Ильин занервничал.

– С чего вы взяли?

– Да бросьте, – она кивнула на рисунок. – Я знаю, что это. Айвазовский, «Крушение «Черного принца».

Ильин терпеливо вздохнул, сдаваясь.

– Вообще-то, если быть точным, то Корабль Ее Величества «Принс». Но да, «Черный принц» тоже сойдет.

В каюту заглянул недовольный и нервный Рябко. Ильин буквально видел, как того изнутри разрывали праведный гнев в смеси с любопытством из-за блондинки.

– Саня... – Рябко хотел сказать что-то еще, но передумал, услышав последние слова Ильина. Обреченно покачал головой и исчез, проворчав: – О господи.

Блондинка ничего не понимала.

– Что это с ним?

– Врачи давно пытаются понять.

– Принс», – повторила она. – Этот корабль ведь где-то здесь затонул? Неподалеку? Вы же знаете что-то об этом, да?

Знает ли он... «Черный принц» был единственной причиной, по которой пять лет назад Ильин обосновался в этой части полуострова. И по которой в течение этих лет исследовал и изучил едва ли не всю Балаклавскую бухту.

Блондинка была права. Он был «из этих» до мозга костей.

– Трехмачтовое парусно-винтовое судно «Принс» было куплено британским адмиралтейством в 1854 году во время Крымской войны, – отозвался Ильин. – Это был очень крупный корабль водоизмещением в две тысячи семьсот тонн и размером с три футбольных поля. И очень быстроходный по тем временам, скорость могла достигать 14 узлов. В том же году корабль принял на борт 150 человек экипажа и большое количество груза для расквартированных на полуострове британских войск. А еще, как говорят, денежное жалование для солдат. Около 200 тысяч фунтов стерлингов золотом. Двести тысяч золотом! Целое состояние даже в наши времена, что уж говорить про XIX век. Известно, что судно пыталось встать на якорную стоянку на глубине 55 метров, это было недалеко отсюда. Как раз там его и застал мощный шторм. Корабль бросило на скалы и разломило на части. С тех пор идут поиски «Принса». Его искали весь XX век. Снаряжали целые экспедиции. Но все, что нашли – жалкие обломки... – помолчав, Ильин хмыкнул. – Да, может быть,

вы правы. Я «из этих».

Блондинка загадочно улыбалась. Ильин уже начал было гадать, как заполнить возникающую неловкую паузу, как в каюту заглянула унылая физиономия Рябко. Он замычал, едва не плюя желчью:

– Пардон, вот прям пардон, что отвлекаю, я понимаю, у вас тут интересные разговоры по душам и все такое... Но мы тут типа к бухте подходим.

На берегу блондинка сразу же испарилась. Ильин даже не заметил, как она исчезла, и запоздало вспомнил, что почему-то ни разу – даже при ее появлении на борту и перед инструктажем – не спросил ее имени.

Попрощавшись с семейством, Ильин собрал в кучу заработанные за сегодняшний день деньги. Сразу отсчитал долю Арсена за шашлык, долю Рябко, сунул в плавки купюры на карманные расходы. Остальное – в банк. Пока Ильин распределял наличные, Рябко непрестанно буравил его унылым взглядом. Наконец Ильин не выдержал.

– Ну что?

– Ты ж видел, я на нее глаз положил.

– На кого?

– На блондиночку.

– Господи, Дэн... – Это видели все. Этот твой глаз, который ты на нее положил, моргал так часто, что я на секунду испугался, что тебя парализовало, или инсульт хватил, или там еще чего. Блондинка наверняка тоже испугалась. Да так

сильно, что драпанула в каюту. А каюта здесь одна, – Ильин развел руками. – Вот если бы кто-то полноценно участвовал в общем бизнесе и вкинул денег, чтобы мы могли купить лодку побольше и с двумя каютами, тогда...

– Иди к Арсену, – промычал Рябко и демонстративно поплелся проверять швартовку.

Извивающаяся вытянутой вверх буквой S бухта была окружена горами, и вечер опускался на городок внезапно и стремительно. Когда Ильин по разбитой и изжаренной на солнце набережной отправился в кафе добрался до заведения Арсена, казалось, что уже поздний вечер.

Арсен, как всегда, был сама дружелюбность. В награду за скрутку мятых купюр Ильин получил бутылку пива и пристроился в углу барной стойки, созерцая вечернюю бухту. Там и тут – на стоящих у причалов и набережной лодках, катерах и яхтах, в домах, кафешках и ресторанчиках – загорались огоньки, которые создавали искрящиеся дорожки на воде. Земля медленно остывала после дневного зноя, а с заключенной в скалы бухты тянул легкий освежающий бриз.

– Саня, – прорычал Арсен, оторвав его от размышлений о своем, бренном, – тут вот человек кладами интересуется.

Ильин сделал глоток, вздохнул и пожал плечами:

– Все кладами интересуются. Куда не плюнь.

Арсен играл бровями и стрелял глазками, и Ильин сподобился посмотреть на объект его внимания. У противоположного конца стойки на высоком стуле восседал с кружкой пива в руках человечек. Самый обычный, лет 40. Худой, с жидкими волосами и несчастным видом. Человечек тоже смущенно и чуть нервно покосился на Ильина, и увиденное его не обрадовало. Подтянутый, с рифлеными благодаря постоянному плаванью Ильин в цветастых шортах, с голым загорелым торсом, был полной противоположностью человечка.

– Вы понырять хотите или что? – кашлянул Ильин.

– Нет-нет, – замотал человечек головой. – Я так, просто спросил у вашего приятеля что-то... Забудьте.

Ильин пожал плечами и забыл. Но ненадолго. Спустя одну кружку пива человечек сам подсел к нему.

– Простите, я хотел... Ну, это...

– Полностью согласен, – подбодрил его Ильин.

– Понимаете, – человечек задумчиво поковырял в ухе. – Я в фирме одной работал... Она разорилась сейчас. Ну, закрылась. Я сюда приехал, потому что тут вакансия вроде была... А ее уже и нет совсем. Представляете.

– Кошмар.

– Смеетесь?

– А похоже?

Человечек прищурился и успокоился, поняв, что совсем не похоже.

– Вы знаете что-нибудь про золото? – прошептал он.

– Дайте подумаю, – Ильин с сожалением покосился на свою стремительно пустеющую бутылку. – Металл такой. Не ржавеет, благодаря чему нашими предками ценился больше остальных. Относится к драгоценным. Стоит дорого. Государства накапливают его в хранилищах, а женщины любят надевать на пальцы и втыкать в уши. Да, про золото я кое-что слышал.

– Нет, не вообще про золото, – человечек зашептал еще тише: – Про золото нацистов. Ну, фашистов. Ну, немцев. Понимаете?

– Не совсем.

Человечек нервно запыхтел. Только сейчас Ильин сообщил, что человечек был уже изрядно навеселе.

– Мой отец лет сорок назад нашел кое-что, – решился подвыпивший незнакомец. Он поозирался по сторонам и продолжил с видом заговорщика, его язык заметно заплетался: – На берегу моря. Прямо на берегу, представляете?

– Так бывает.

– Волной выбросило, наверное... Так вот, знаете, что это было? – человечек для значимости сверкнул глазами: – Кусок золота. Слиток. А на нем надписи по-немецки. И этот, как его, орел. Который свастику фашистскую в лапах держал.

Ильин неопределенно хмыкнул, изучая человечка. Пока не было понятно, то ли он просто напился и решил почесать языком, то ли он был психом, которые на южном побе-

режье Крыма встречались в разгар сезона особенно часто, то ли в его словах действительно что-то было.

– Слиток, – повторил Ильин. – Орел. Свастика.

– Ага-ага!

– Интересно.

– А по голосу, так как будто не очень, – оскорбился человек.

Назойливость незнакомца начинала действовать на нервы.

– Может, и не очень, – согласился Ильин. – Знаете, я тут каждый месяц от кого-то слышу, что они нашли то золото «Черного принца», то византийскую посудину с серебром, то еще что-нибудь... Мы сейчас на побережье, в море вдоль которого затонувших кораблей с сокровищами наткано почти столько же, сколько в Карибском бассейне, что вы хотите. И я, кстати, ни разу не слышал про человека, который нашел бы слиток нацистского золота. А такой человек был бы здесь сейчас настоящей звездой.

Человечек засучил кулачками:

– В этом и дело! Сорок лет назад отец нашел его. Сорок! Знаете, что тогда было?

– У меня с математикой так себе.

– Советское время! Нашел – сдай государству и получишь комиссионные. Сдал килограмм золота, получишь с гулькин хрен, простите. Нечестно же!

– Жизнь суровая штука.

– Отец и не стал никому говорить! Спрятал. А потом перестройка, развал Союза, гласность, капитализм и все такое... Отец слиток тогда и продал. Переплавил и продал по частям. И заработал знаете сколько? Дом купил! Большой.

Ильин хотел еще пива, но не собирался тратить. В магазине по пути к набережной, где среди других лодок покоилась «Бланко», выпивку можно было приобрести почти втрое дешевле. Этим Ильин сейчас и собирался заняться.

– Послушайте, так что вы хотите-то, не пойму?

– Это золото нацистов! – зашептал человечек. – Я знаю, где отец его нашел, тот слиток! Если как следует поискать, а вдруг там еще есть? А вдруг они его там, ну, знаете, зарыли? В землю? Или тайник какой-нибудь сделали? Или прямо у берега оно в воде спокойно валяется все эти годы и ждет, когда его достанут? Там может быть целое состояние! А я тут без денег и без работы сижу и еле концы с концами свожу...

– Погодите. Вы предлагаете какое-то партнерство или что?

– Ага-ага, наверное. Наверное, партнерство. Не знаю, как это еще назвать. Если у вас есть опыт в таких делах, мы могли бы, ну, скооперироваться, и... Понимаете?

Ильин пораскинул мозгами. Процент 90 гарантии, что за пьяным лепетом человечка не скрывалось ничего толкового. Через такое Ильин проходил уже сто раз.

Но почему бы не выслушать человека? А вдруг...

– Хорошо. Можно обсудить. Расскажите поподробнее.

Человечек обрадовался. Но тут же вспомнил, где находится, принялся подозрительно озираться по сторонам, после чего зашептал:

– Давайте, не сейчас. Лучше на свежую голову. Я комнатку снял в гостинице одной...

– Вы не местный, – сообразил Ильин. – А откуда?

– Завтра подходите, хорошо? Где-нибудь ближе к обеду. И тогда все обсудим. Я расскажу все, а вы скажете, есть шансы или нет. Гостиница «Волна», знаете такую?

Ильин знал.

– Допустим, я подойду. Где мне вас искать? Как вас зовут-то?

– Василий, можно просто... Василий, – забавно отозвался человечек и снова, как шпион из пародийного фильма, подозрительно покосился по сторонам. – В общем, жду вас завтра. Только это, не говорите никому. А то знаете... Последние пару дней мне кажется, что за мной кто-то... Ладно, неважно. До завтра, ага?

Ильин кивнул. После чего Василий поспешно распрощался и, рассчитавшись с Арсеном мятыми бумажками, неровной походкой удалился.

Возвращаясь по ночной набережной к своей покачивающейся на воде лодке, Ильин думал о человечке и о его коротком рассказе про загадочного отца.

Полуостров всегда является своеобразным форпостом в Черном море. Даже в древней геополитике, или как оно

тогда называлось, Крым был ключевым местом в регионе, о чем свидетельствуют хотя бы развалины крепости на входе в Балаклавскую бухту. Прошедший век исключением не стал. В годы Великой Отечественной здесь проходили батальные сражения – как на суше, так и на море.

А вдруг за словами Василия действительно что-то кроется?

Но ничего, что натолкнуло бы Ильина на историю с золотом нацистов, он вспомнить не мог. В памяти всплыла лишь пара историй. Первая – теплоход «Ленин», затонувший в 1941-м. Но, во-первых, место гибели судна известно давным-давно. Во-вторых, никакими нацистами и уж тем более нацистским золотом на борту даже не пахло – подорвавшийся на мине корабль эвакуировал из Одессы беженцев, которые везли с собой нажитое добро. Вторая история – знаменитое немецкое судно «Лэрис». Оно в предпоследний год войны эвакуировало с захваченных территорий в Рейх награбленное нацистами добро – экспонаты и раритеты из крымских музеев. Во время бомбежки корабль был затоплен вместе с сокровищами. Но где именно – до сих пор не знал никто.

Ничего больше Ильин вспомнить не мог. Поэтому выбросил все из головы.

Ильин купил в магазине еще несколько бутылок пива – для себя и для Рябко, чтобы утешить его страждущую после провала с блондинкой душу – и вернулся на «Бланко».

Рябко был не в духе и скоро отчалил, оставив напарника одного. Ильин натянул тент на корме и заперся в каюте, засев за бумаги при тусклом свете настольной лампы.

Здесь было все, что он сумел собрать за последние годы относительно британского «Черного принца».

На полуостров Ильин перебрался пять лет назад после ссоры с бизнес-партнером, с которым они содержали дайвинг-клуб в Подмоскovie. Здесь нашел отличное судно – катер «Бланко» отбегал всего 300 моточасов и был в идеальном состоянии – и, не думая, сразу выкупил его. И первым же делом приобрел гидроакустическую систему, магнитометр и два новеньких подводных металлоискателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.